

Обладатель-двадцатник

Автор:

Юрий Иванович

Обладатель-двадцатник

Юрий Иванович

Обладатель #3

Если вы можете все – это не значит, что счастливая и спокойная жизнь вам гарантирована. Москвич Иван Загралов давно в этом убедился. Ведь иномирское устройство сигвигатор, способное создавать полноценные фантомы других людей, не в силах подсказать Загралову, в каких целях их использовать. Тут уже нужно соображать самому. Одно дело – мстить всякой уголовной шушере, другое – бороться с происками иностранной разведки, не гнушающейся никакими средствами, а третье – вступить в новый бой с прежним обладателем сигвигатора. Наделенный почти сверхъестественной силой, Безголовый не унимается, и Ивану Загралову приходится туго...

Юрий Иванович

Обладатель-двадцатник

Пролог

За огромным, во всю стену, окном открывался великолепный вид на Москву. Центр города, с одним из самых красивых проспектов и половиной Кремля, смотрелся как на ладони. Светило солнце. Мчались куда-то вечно опаздывающие горожане. Сплошными вереницами разноцветных пятен поблёскивали

автомобили. За окном бурлила жизнь.

Тогда как внутри помещения, где царил густой полумрак и не раздавалось ни звука, казалось, ничто уже не шевельнётся, застыв в вечном покое. Настолько дряхлыми и старыми выглядели двое восседающих в креслах мужчин и настолько тусклыми, казалось бы, безжизненными взглядами они уставились друг на друга. Статуи и то выглядят более одушевлёнными. Стариканы или в самом деле умерли, или им настолько некуда было спешить. Минут пять прошло с момента нахождения в креслах, пока хозяин этих роскошных апартаментов, так ни разу не моргнув, почти не открывая рта, заговорил:

– Всё пытаюсь вспомнить, сколько мы с тобой не виделись? Двадцать три?..

– Проклятый разжиревший склероз уже вовсю пасётся на ниве твоей памяти, – без тени эмоций отозвался гость. – Двадцать четыре... с половиной прошло.

– Хм! А кажется, словно вчера это было... Хочешь чего-нибудь выпить?

– Пока не хочу... напился в дороге. И честно говоря, знал бы, как она меня утомит, настаивал бы на твоём приезде ко мне.

– Увы, Леон! Такой дальний перелёт я уже не переживу.

– Значит, наша встреча последняя, Поль! Больше ты меня не уговоришь на такую авантюру... Или ты уже привык к обращению Пётр? Кстати, всё хочу спросить, почему не Павел?

Владелец апартаментов только чуть шире рот открыл, обозначая смех:

– Ха. Как хочешь, так и называй, только в печь не засовывай. Так русские говорят... Хе-хе! Да и вообще... я здесь Петром родился, Петром и умру.

После смешка собеседника некие эмоции прорезались и в голосе Леона:

– Совсем обрусел? – ехидничал гость. – А обратно в Европу не тянет?

– Плевать я на неё хотел. Где мне хорошо, там и живу. Да и тут самая что ни на есть Европа. М-да... – Поль, он же Пётр, покрутил затёкшей шеей и сменил положение тела в кресле. – Но раз мы с тобой в загул не пускаемся... как в былые годы... то давай перейдём к делу?

– Давай... раз уж ты не доверил такую беседу обычному скайпу. Или телефону...

– Хе-хе! Доверишь тут! Я даже сейчас не чувствую уверенности в том, что нас не подслушивают. Но раз ты уже приехал...

Гость сразу задвигался в кресле, подобрался и словно скинул с себя десяток лет:

– Всё настолько серьёзно? Тогда пусть несут кофе со сливками и сухарики. Я тогда лучше соображаю.

Не прошло и пары минут, как примчавшаяся прислуга всё, что надо, поставила, расставила, оставила и бесшумно удалилась. А хозяин апартаментов, тоже несколько оживший, взбодрившись первыми глотками кофе, приступил к изложению проблемы:

– Наше количество осталось прежним, а вот Туза Пик, как он себя пышно именовал и которого мы называли Тузиком, уже нет в живых. Всё-таки не внял нашим предупреждениям, рекомендациям и советам и сложил голову в попытках отвоевать свой сигвигатор. А ведь мог бы преспокойно протянуть ещё лет тридцать безбедной жизни... Ведь обладатель может одного фантома удерживать до пятисот суток без сигвигатора! А если их больше сорока? Этот идиот мог до старости дотянуть, а потом ещё и до нашего возраста в роскоши, достатке и полной безопасности.

– Дураку и бузотёру одна дорога – в могилу! – с каким-то облегчением выдохнул Леон. – И кто его умудрился убрать: Волох или Адам? Или эти два трусливых антагониста в кои веки объединились и действовали сообща?

– Нет, они к уничтожению Туза вообще не причастны. Я проверил.

– Что значит проверил?! – стал повышать тон собеседник в явном удивлении. – Ведь кроме тебя тогда – больше некому! Или объявился какой-то наследничек из

родни да влез в тайны папочки?

– Ты ведь знаешь, что Туз никогда с сигвигатором не расставался, посадить его было некому. Так и воевал болезный с Адамом и Волохом, причём кроваво, жестоко и... бессмысленно. Не раз я его предупреждал, что обладание вторым устройством ему никаких льгот или преференций не даст, так он и слышать ничего не хотел... А скорей всего это у него натура такая мерзкая и скотская, потому не поверю, что нападал он из чисто спортивного интереса.

– Да... уж! Он такой... был...

– И вот в одной из кровавых разборок с Волохом Туз при невероятном стечении обстоятельств потерял свой сигвигатор.

– Как это потерял?! – воскликнул Леон уже совсем иным, вполне сочным баритоном. – И не смог тут же его отыскать?

– От подобного никто из нас не застрахован. Особенно в нынешнее просвещённое время. Сейчас на каждом углу стоит если не хакер, то уж точно специалист по компьютерному программированию или просто грамотный студент, который из утюга одним молотком склепает летающую тарелку. В России талантов хватает... Вот и устройство было подобрано кем-то из дюже умных и толковых. Как его Туз Пик ни ловил, как ни вычислял – ничего ему не удалось сделать. Грешил на Волоха, потом на Адама, но те засели в своих катакомбах и носу боялись высунуть. Только слали своих фантомов на бойню. У нас тут в Москве уже тогда страшные слухи да сплетни разгулялись. Чуть мы все не засветились...

– Ну да, ты тогда звонил и всё намёками жаловался.

– Так вот... Чуть позже этот дуралей стал такие силы тратить на поиски, что к недавнему времени его возможности упали с сорока двух до тридцати шести фантомов. Хотя и такое количество поражает. После нескольких наездов и преследований новый обладатель исчез, похоже, спрятавшись на краю света. А дней десять тому назад всё-таки появился в Москве, но уже не сам, а со своими фантомами. Причём не простыми духами, а с таюрти! Да, да! И не кривись с недоверием! Только фантомы-убийцы, остающиеся в ипостасях духов, могли бы справиться с массовой атакой всех фантомов Туза, которые в полном

вооружении штурмовали позавчера одну из дач в Подмоскowie. И у них, кажется, ничего не получилось... Ну и бузотёр наш откинул копыта...

– Как именно откинул?

– Кто-то там, на поле боя, покалечил его фантомов, но умереть не дал. Вот те и вытягивали непомерно энергию из своего обладателя, пока тот не умер от истощения всех сил. Глупейшая смерть!

Леон задумчиво кивнул и потом стал рассуждать вслух:

– Несомненно... Будь он в пределах видимости своих атакующих фантомов, легко оборвал бы контакт и выжил. А так получается, он атаковал, находясь далеко от места событий... Ведь устройства нет, свою копию на место событий не перебросишь... Да и, видимо, был уверен в численном преимуществе своих вояк... Но тех убивали... несколько раз. Всех! Потом ещё и поломали... но не до смерти... Хм! – пришёл он к очевидному выводу. – В самом деле, такое под силу только таурти! Но кто сумел разгадать утерянную тайну создания подобных рабов? Неужели ничего не знающий и никем не опекаемый новичок? Мне лично всегда подобное казалось не больше чем сказкой...

– Неважно кто! – Пётр-Поль нравоучительно поднял указательный палец. – Важно, кого новый обладатель сигвигатора выберет в качестве очередной жертвы!.. Если он, конечно, не защищался по необходимости...

Минуты на две оба собеседника примолкли, задумавшись. Хотя со стороны могло показаться, что они перешли на мысленное общение. Но тишину гость всё-таки нарушил, явно сомневаясь в своих словах:

– Но ведь с нами он не справится?..

Хозяин шикарной комнаты и плечами шевельнул, и ладони развёл, и бровями пошевелил, показывая свои огромные сомнения. Потом всё-таки дал разъяснения:

– Убравший Тузика человек – очень опасен. И особенно тем, что мы не знаем его дальнейших планов. Это если не связывать его появление с прошедшей в Москве

нежданной чисткой преступного мира...

– Идеалист?! – не поверил Леон. – Сомневаюсь... Тем более что во всём мире уверены, что эти кровавые разборки устроил ваш президент со своей кликой. Решил укрепить свою власть, убрав мешающих авторитетов и примерить на себя корону императора. Ха-ха!.. Смешно, ей-богу!

– Ладно, если так... А вдруг этот новичок по своему незнанию к власти поплёрся? Нас-то это никак не коснётся, но и уменьшать количество коллег – чревато. Поэтому нужно с ним определиться как можно скорей. Вот поэтому я тебя и вызвал, что сам опасаюсь не справиться в случае резкой конфронтации. Этого молодого мужчину мы всё-таки высчитали, но выйти с ним на контакт я сам не решился. Нужна подстраховка. А Волох с Адамом ведут себя словно недоразвитые пугливые щенки. Не знай я правды, никогда бы не подумал, что они обладатели двадцати восьми и тридцати одного фантома! Настолько их покойный Туз запугал...

– Ну и кто этот... – Прежде чем квалифицировать нового обладателя, Леон покачал перед собой чашечку с недопитым кофе. – Коллега?

– Некий Иван Фёдорович Загралов, тридцати двух лет, закончил Бауманку, специалист широкого профиля (как раз о таком, умеющем тыкать кнопки, я и упоминал!). Не судим, но несколько тёмных страниц в своей биографии имеет, хотя бы со странным убийством его жены и мести уголовникам. Однозначно он уже для этих жестоких целей применял фантомы. Опять собирается жениться на одной смазливой актрисе. Но папа этой актрисы – большая шишка в неких полутеневых структурах. Товарищи папы – ещё большие бонзы в силовых ведомствах. То есть с той стороны к Загралову не подобраться. И просто страшно становится, если он уже вместе с сигвигатором стал работать на государство. Сейчас, помимо моих фантомов с полным сознанием, все мои оплаченные шпионы собирают срочно остальной материал про этого человека. С часу на час мы его получим.

– Это хорошо... Потому что перед общением с этим Иваном желательно знать о нём всё...

– Узнаем!

– ...И уже с позиций этих знаний строить разговор. Ведь иначе, как по каналу настоятелей, мы на него не выйдем.

– Именно! – одобрил вывод гостя Поль-Пётр. – В любом ином варианте молодой обладатель может принять наши попытки контакта за агрессию, броситься в драку, и тогда уже точно переговоров не получится. Начнётся конфронтация, и вместо понятного нам и знакомого Туза Пик мы получим неизвестного мистера Икс, который в свою очередь может оказаться ещё более наглым, чем Тузик. И талантливым! Или более удачливым... Вон, уже таюрти у себя имеет, и не одного!

– М-да! – Гость озадаченно мотнул головой. – За такой короткий срок он не только себя обезопасил, но собрал силы для уничтожения сороковника! Не иначе как он запряг Удачу и погоняет Фортуной.

– Вот-вот! И я о том же! – Хозяин жилища стал с кряхтением подниматься. – Ну а пока нам соберут окончательную информацию, поднимаемся на самый верх. Там у меня сауна и всё остальное... как ты любишь. Ну и, как полагается по русскому обычаю, может, хоть по рюмочке бальзама за встречу опрокинем?

Леон встал не в пример легче, да и появившаяся у него на лице улыбка показала, что чувствует он себя значительно лучше. Кофе и сухарики старикана и в самом деле взбодрили:

– Ох уж эти твои русские обычаи! Как вспомню, так и вздрогну, словно холодец на вилке... ха-ха! Но чтобы ты знал, я могу ещё не только одну рюмашку, а... а целых... полторы!

И оба старых, очень, очень старых приятеля подались в сторону лифта. Причём о деле они говорить перестали, а начали вспоминать о бурных приключениях молодости, оживая при этом и расправляя плечи прямо на ходу.

Глава 1

Беглец

До возжеленной и такой безопасной виллы оставалось всего несколько поворотов дороги, когда идущий в пятистах метрах впереди головной джип с охраной стал резко тормозить. Тут же в динамиках переговорного устройства послышался голос Савена, командующего всей личной гвардией олигарха:

– Гегам Оганесович, полиция. Из местных, знаю их в лицо.

Господин Шелосян, очнувшийся от своих тяжких дум, вскинул голову и стал лихорадочно осматриваться. Тут же прочувствовал, как по всему телу прокатываются волны отчаянной паники и страха. Невероятно сильно сработала его врождённая интуиция, предупреждая не только о неприятностях, а о крайней, смертельной опасности для жизни.

– Сколько их?! Что им надо?! – Голос непроизвольно задрожал, а рука уже сжимала плечо своего водителя, он же родной племянник, готовый за дядю Гегаму грызть зубами любого недоброжелателя: – Притормаживай...

– Три человека, патрульная служба. Наверное, документы проверяют, у них тут иногда...

Но Шелосян дослушивать не стал:

– Не останавливайтесь! Мчи дальше! Потом разберёмся!

– Э-э-э? – растерялся Савен. – Да никак нельзя, Гегам Оганесович... – джип уже остановился на обочине. – Да и дело-то минутное...

– Стой! – Это уже богач прошипел в спину своему племяннику. – И будь готов к развороту! – Машина резко затормозила, приняв к обочине, готовая моментально развернуться на дороге. Сзади послышался визг тормозов второго джипа с охраной, тому лишь сантиметров двадцати не хватало для соприкосновения бамперов. – Держите оружие наготове, и если что, валите этих поли насмерть! – жёстко приказал побледневший шеф стоящему всего лишь в пятидесяти метрах авангарду.

В замыкающей машине слышали каждое слово переговоров, так что в отдельных командах не нуждались. Сомневаться не приходилось, отстреливаться будут все

и до последнего патрона, даже в случае появления здесь хоть всей армии Новой Зеландии. Потому что собрались вокруг не просто высокооплачиваемые профессионалы, а те, у кого руки по локти в крови и которые все лично с потрохами повязаны преступлениями на преданность своему боссу.

– Понял... – кислым голосом отозвался начальник охраны. Кажется, он совершенно не понимал такой крайней настороженности и недоверчивости к происходящему заурядному событию. И уже через десяток секунд продолжил бормотать с плохо скрываемым ехидством: – Ну вот, проверка... Только один возле нас, двое сидят в машине и чего-то там хохочут... Наверное, анекдоты рассказывают... На нас и не смотрят...

Но олигарха буквально колотили нехорошие предчувствия. В чудеса он не верил никогда. Экстрасенсов презирал. Гадалок и пророков ненавидел, утверждая, что те «хуже подлых цыган!». О владеющих телекинезом или какими иными удивительными свойствами заявлял, что они шарлатаны. О духах и привидениях – вообще слышать не хотел. А вот своей уникальной, зверской, божественной, таинственной интуиции доверял всегда и везде. Поэтому очень часто встречал без страха в весьма рискованные махинации, спокойно отправлялся на встречи с опаснейшими людьми и смело шёл с предложениями криминального толка к лицам, обязанным бороться с тем самым криминалом.

Именно после сигналов своей интуиции Шелосян сбежал сутки назад из Москвы и теперь приближался к «запасному аэродрому», вилле на территории Новой Зеландии. О вилле из живых никто не знал, кроме Савена, и в ней можно было переждать нападение отборной мотострелковой дивизии.

В данный момент олигарх старался отмежеваться от бормотания преданного уголовника и сосредоточиться на выборе направления, откуда шла главная опасность. Но та, казалось, шла отовсюду. Даже от днища надёжного бронированного «Мерседеса».

«Надо покинуть машину! – вдруг закрутилась в голове нехорошая и совсем уже неуместная мысль. А за ней – другая, итог наверняка здоровой логики: – Что-то я не то думаю... Скорей за бортом опасность, и это у меня, наверное, от волнения проскочило».

Раздался голос старшего в арьергарде:

– Шеф, сзади два микроавтобуса. Вроде с туристами или с отдыхающими.

– Двигайтесь задом к ним навстречу! И чуть что, валите из всех стволов!

Джип тут же лихо помчался задом по дороге обратно. Наверное, это стало главной неожиданностью для приближающихся водителей. Первый из них запетлял по дороге, как в панике, а потом неожиданно пошёл на столкновение. Джип успел затормозить, и всё равно сильный удар по левому борту чуть не опрокинул его в кювет.

Водители в штат олигарха подбирались из тех, что могли лихо ездить как на двух колёсах, так и выполнять иные сложнейшие трюки автородео. Резкий газ, и под грохот автоматных очередей джип выскочил на асфальт, начав разворачиваться с пробуксовкой шин буквально на месте. Но не успел завершить манёвр, второй удар всё по тому же борту нанёс уже второй микроавтобус. На этот раз шикарное авто с охраной нелепо завалилось на бок и стало бесполезно как транспортное средство. Два автоматчика высунулись из оказавшихся наверху выбитых окон, а ещё четверо, словно десантники, высыпались наружу через проём выбитого лобового стекла. Судя по тому, как они бросались и откатывались в стороны, на обочины, и стреляли при этом прямо в падении, война началась нешуточная и любые измышления в непричастности каких-то туристов рассеивались напрочь. А уж когда донёсся грохот пулемёта, в сердце закралась безнадёга...

«Значит, и в самом деле надо вон из машины!» – уже возвращая себе некоторое хладнокровие, решил Шелосян, но не успел претворить подсказку интуиции в жизнь. Племянник проявил неожиданную инициативу, решив спасти обожаемого родственника по собственному разумению. Тем более что тоже считался несомненным асом даже в управлении таким тяжёлым бронированным «Мерседесом». Он резко рванул с места, спросив:

– Прорываемся вперёд?

– Стоять, баран! Назад! – заорал несколько противоречиво дядя.

Но его поняли буквально. Торможение, резкие манипуляции с рулём и сразу же полный газ, разворачивающий машину на сто восемьдесят градусов. И тут по броне застучали, словно молотками, удары тяжелых пуль. То ли из автоматов

прицельно били, то ли из пулемёта. И вполне возможно, что из того самого оружия, которое в своё время ушлый и деятельный торговец Гегам продавал по всему миру. Ну и как тут запоздало не пожалеешь о своей неразборчивости?

Пожалел! Так резко пожалел о своей преступной деятельности, что в двух словах проклял всю свою прошлую жизнь. Страх настолько сковал пожилого армянина, что он даже дышать перестал. Потому что раньше себе представить не мог, насколько это ужасно: вначале услышать и понять, что тебя расстреливают, как безмозглую овцу, а потом увидеть, как голова племянника разрывается кровавыми ошмётками, забрызгивая кожаный салон шикарного автомобиля и всех в нём сидящих.

Но разворот транспорта всё-таки спас самого олигарха, потому что оба разбитых пулями окна находились с левой стороны, и именно там теперь обмякло два трупа. Сидящего у окна телохранителя тоже приложило, навсегда выводя из игры.

Повезло, что газ был сброшен, а руль оказался чуток повернут вправо. Автомобиль на малом ходу скатился в глубокий кювет возле дороги и там с грохотом уткнулся в один из крупных валунов. Зато при этом стал недоступен для попадания со стороны неизвестного врага.

Теперь обладатель невероятной интуиции мешкать не стал. Действуя синхронно вместе с бойцом, сидевшим на переднем сиденье перед ним, он выскочил из машины и, совершенно не задумываясь о направлении, двинулся по кювету чуть дальше. Потом по стоку небольшого распадка вбежал в скалы, а там выбрался к месту, весьма удобному в плане круговой обороны. Этаким холм, в центральной выемке которого хоть в полный рост стой и отстреливайся по всему зубчатому периметру. Боец тоже прибежал следом за боссом. Мало того, их действия заметили все остальные вояки. И следом от лежащего на боку и уже начавшего загораться джипа арьергарда ринулось сразу три человека. Увы, но до распадка, а потом и к новому месту обороны смогло добежать только двое.

Возле передового джипа тоже велась какая-то редкая пальба, а потом и оттуда бросился кто-то из своих. Причём он скорее бежал не на помощь к олигарху, а в попытках возле него самому спрятаться от врага. Ловко бежал, петляя и пригибаясь, чудом избегая пуль, которые неслись к нему сразу с обеих сторон дороги. Да ещё и автомат при этом не бросил. Как его только не подстрелили, оставалось лишь поражаться. Скорей всего сам факт, что можно ранить своих

встречным огнём, не дал врагу толком прицелиться по бегущему. Так что тот удачно добежал до распадка, где был узнан уже всеми.

– Савен! – удовлетворённо воскликнул телохранитель с переднего сиденья. – Вырвался всё-таки!

Гегам Оганесович, когда начальнику охраны оставалось пробежать метров двадцать, вдруг ощутил очередной наплыв предстоящих неприятностей. Но задуматься о причине не успевал и не смог. Страх глушила тривиальная злость на ближайшего доверенного помощника. Потому и кричать начал издалека:

– Сразу приказал тебе не останавливаться! Почему ослушался, дерьмо ишачье?!

Тот вначале проскочил среди скальных выступов и, только оказавшись в безопасности, замер, хватая воздух открытым ртом. Красный, поцарапанный, весь в крови, то ли своей, то ли чужой, и пытающийся отдышаться после стремительного бега, он мог вызвать только жалость, но олигарху хотелось удушить помощника собственными руками.

И чтобы со злости не сорваться, он с досадой махнул рукой, развернулся и пристроился на наблюдательном посту рядом с иными спасшимися охранниками своей персоны. А посмотреть в самом деле было на что.

Сомневаться не приходилось, что положение резко изменилось. В данной ситуации уже обороняющиеся имели неоспоримое преимущество перед неизвестными нападающими. Это подтвердил один мрачный тип из арьергарда:

– Отличная позиция, шеф! Хрен они нас отсюда выкурят! Разве что миномёт подтащат...

– Чем дольше мы тут продержимся – тем лучше! – авторитетно заявил его товарищ, морщась от боли и постоянно вытирая сочащуюся кровь, которая капала из рассечённого лба. – Не могут же они тут быть все заодно? Грохот выстрелов слышно далеко, скоро настоящая полиция подтянется. Чай не в России находимся...

Свободной рукой достав из кармана упаковку с бинтом, а может, и с пластырем, он уже стал разворачиваться, чтобы присесть на камень и сделать себе перевязку, как вдруг за спинами всех четверых грохнула автоматная очередь. Вначале окаменевшему от страха Шелосяну показалось, что стреляют ему прямо в лицо, и, наверное, только через минуту он осознал, что так и стоит, замерев в ступоре. Но у него ничего не болит, кроме сознания, и кровавые раны отсутствуют. А вот три последних защитника лежали в несуразных позах, словно изломанные куклы. Сомневаться в их смерти не приходилось.

А там и слух вернулся, донося до хозяина ожившие звуки:

– ...Сядь! Немедленно сядь на землю и руки в замок на затылок! Не слышишь? Повторяю: сядь! Руки в замок и на затылок...

Наведя на него свой автомат, всего лишь в метре стоял преданный минуту назад Савен. В глазах – лёд. В тоне – ледяное равнодушие. Во всей позе – несомненное презрение и к происходящему, и к самому боссу. Наверняка – уже давно бывшему...

Гегам Оганесович аккуратно сел на землю, выполнил требуемое с руками, косясь по сторонам и прислушиваясь к себе. Рядом валялось оружие убитых охранников, готовое к стрельбе, только метнись к нему, подхвати и стреляй.

Однако пожилой армянин никогда в своей жизни оружия в руках толком не держал, хотя продал его немерено. Да и киношные трюки с перекатыванием не для него, о таком и задумываться не хотелось. Но не это сейчас беспокоило влипшего в крупные неприятности олигарха.

«Куда делась моя интуиция? – недоумевал он. – Почему молчит? Или это уже конец? Предвидеть больше нечего? И меня сейчас... – логика подсказывала: – Хотели бы убить, предатель сделал бы это сразу. Значит, хотят поговорить... Или обокрасть перед смертью! М-да, скорей всего... И раз никого нет...»

Заговорить с предателем и в самом деле следовало. К тому же Гегам не без основания считал себя великим оратором, трибуном, человеком с харизмой, психологом и при необходимости – душой любой компании. Всегда умел втереться в доверие. Даже в такой ситуации следовало не сидеть молча, а выяснить хоть что-то:

– Савен! Как же ты мог?! Разве я тебе мало платил?

Казалось, предатель промолчит, настолько равнодушным выглядел. Но снизошёл до того, что буркнул:

– Не ты мне платил, не тебе и жаловаться.

– То есть тебя кто-то перекупил большими суммами?

– Это ты меня пытался перекупить, – нагло заявил уголовник, которого босс знал чуть ли не с юных лет.

– Получается, что даже в доверие ко мне втирался уже по заданию иных работодателей? – стал догадываться поверженный в прах олигарх.

– Получается, – не стал предатель отрицать очевидное, уже косясь куда-то над головой своего пленника и вчерашнего кормильца.

– На кого хоть работаешь?

– На себя...

– И совесть тебя после измены не мучает? Я ведь для тебя столько сделал...

– А тебя не мучает? Я ведь для тебя тоже что только не делал. Столько людишек на тот свет отправил! Хорошо хоть, большинство из них – такие же гниды, как и ты!.. Были...

Понималось, что пустыми разговорами предателя не пронять. Оставалось попробовать перекупить. И Гегам Оганесович стал менять тему, кивнув головой на лежащие рядом трупы:

– А друзей своих по оружию не жалко?

– У этих шакалов не было друзей.

– Э-э-э?... А мне вот для тебя ничего не жалко... Хочешь получить от меня десять миллионов зелени?

Под нарастающий топот шагов нешевельнувшийся вояка только криво ухмыльнулся:

– А ты думаешь, эта зелень до сих пор у тебя в кармане?

Умершая интуиция ничем не побеспокоила олигарха после таких слов. А вот жадность и отчаяние так ударили душевной мукой по сознанию обкраденного армянина, что тот застонал произвольно и громко. А потом чуть не бросился к лежащему оружию. Настолько ему хотелось в последние секунды своей жизни рвать, резать, душить всех окружающих, весь этот тупой и равнодушный вокруг мир.

Но так и замер, перестав дышать. Окаменел он совсем не по причине чуточку сместившегося ствола автомата на его коленку. И не из-за появления в поле зрения сразу нескольких военных в полном боевом обмундировании, в бронежилетах и камуфляжной сетке. А из-за того, что интуиция вопила, предупреждая: «...Не шевелись! Иначе будет больно! Этот урод только и ждёт повода отстрелить тебе ногу!»

И как это ни казалось парадоксальным, факт вновь начавшей действовать уникальной способности порадовал олигарха и даже чуточку успокоил:

«Значит, меня убивать не собираются? И наверняка имеется возможность поторговаться за свою жизнь? В таком случае плевать и на ту зелень, и на этого предателя. В любом случае выкручусь и на хлеб с икрой заработаю. Как и этого двурушника со всем его выводком обязательно уничтожу! Надо понять, что от меня хотят... И кто это так на меня ополчился...»

Тем временем прибежавшая солдатня в течение всего лишь одной минуты зачистила пространство от трупов, оружия и даже стреляных автоматных гильз. А в поле зрения появился он. Сухонький старичок лет семидесяти. В шортах и в сандалиях на босу ногу. Рубашка с коротким рукавом и белая шляпа в сеточку. Рядом с ещё не впитавшейся почерневшей кровью на земле он смотрелся не от мира сего.

Другой вопрос, что, несмотря на более чем тридцатилетний срок с последней встречи, Шелосян сразу узнал неуместного здесь туриста. А не узнал бы, так ещё более знакомый голос, не раз слышимый по телефону, поднял бы его на ноги не только со сна или с больничной кровати, а и со смертного одра.

– Сиди, Гегам, сиди! – доброжелательно затараторил старичок, аккуратно обходя участок с кровью и стараясь не измазать шикарные по качеству сандалии. – Я тебя вряд ли долго задержу. Так, буквально несколько слов... По старой дружбе...

Он встал чуточку сзади Савена, за его левым плечом, словно отгораживаясь от опасного заразного больного. Судя по затихшему топоту, на пяточке между скал больше никого не осталось, чем пленённый олигарх и попытался воспользоваться:

– Рад вас видеть, мистер Даркли... – Голос получился сиплым, заставляя прокашляться. – Несказанно рад...

– Неважно, чему ты рад, – оборвал его старик. – Важно, готов ли ты ответить всего на три моих вопроса.

– Готов! – Пожилой армянин, которому уже перевалило за пятьдесят пять, вдруг вспомнил эпоху Советского Союза, пионерское детство, комсомольскую юность и чуть не брякнул «Всегда готов!»

– Итак! Почему ты уехал из Москвы? – последовал первый вопрос.

– Потому что началось повальное уничтожение таких, как я, – зачастил словами Шелосян. – По замолкшим телефонам своего окружения и ближайших соратников я понял, что они уже либо арестованы, либо уничтожены. Поэтому сразу же прервал контакты со всем миром, оговорёнными сигналами поднял отряд боевиков и попытался залечь в данном, неизвестном для всех месте. Если говорить конкретно, то...

Рассказывать о причинах побега из России он готов был часами и сутками, не переставая. Причём аргументированно, последовательно и с множеством перекрёстных доказательств. Сам во время дальнего пути это проанализировал и разложил по полочкам. Но это, кажется, старичка не интересовало.

– Почему ты не сообщил нам о своём выезде? – перебил он олигарха вторым вопросом.

И тут опять неприятно кольнули душу плохие предчувствия. Если прорвётся два-три неправильных слова, не сносить головы. Третьего вопроса уже не последует, Савен получит команду «Убрать!». Тем более что под словом «нам» крылось пресловутое особое отделение британской разведки МИ-5. И как раз именно этот мистер Ричард Даркли тридцать девять лет назад завербовал наивного армянского юношу, которому ещё и шестнадцати не исполнилось, работать на великий и просвещённый Запад. И ни разу в последующей жизни Гегам не пожалел о своём предательстве (сиюминутный ужас пока ещё не стал историей, и его принимать в расчёт не следовало).

Англичане дали Шелосяну всё: знания, знакомства, деньги, компромат на тех, кто мешал в карьере, и даже вооружённое прикрытие, убирая по всему миру соперников, завистников и прочих. То есть тех, кто мешал спокойно работать простому функционеру по культуре, представителю Россотрудничества за рубежом, а на самом деле мафиози и торговцу оружием. К сожалению, договор о предупреждении по поводу любого выезда, даже внутри России, имелся на самом деле.

Поэтому по сути заданного вопроса не оставалось ничего, как ответить почти полную правду:

– Ваш московский резидент на мой звонок не ответил, связной пропал, представитель посольства не брал демонстративно трубку. Мне показалось, что и по ним пошла чистка. Ничего иного не оставалось, как бежать, обрывая все концы. Я был уверен, что через несколько дней обстановка определится и я смогу без опасений связаться с вами, мистер Даркли.

Судя по скептическому взгляду выпуклых холодных глаз англичанина, тот не до конца поверил в высказанное искренним тоном решение выйти на связь, но всё-таки принял сделанные отговорки как данность. Ибо вежливо улыбнулся и спросил:

– Готов ли ты немедленно вернуться на своё рабочее место?

Олигарх (скорее всего, уже бывший, раз у него забрали или заберут накопленные средства) не был готов. Он даже хотел было выкрикнуть: «Нет! Ни за что! Лучше сразу пристрелите!» Но смолчал, чуть не прикусив язык, потому что интуиция подсказала: «Пристрелят и не почешутся!» Хотя она же шептала по поводу возвращения, да ещё и немедленного: «Вот там тебя, голубчика, и возьмут в оборот!»

Но одно дело – это автоматная очередь в упор сейчас, а другое дело – «оборот» где-то там, и не ранее чем завтра. Примеров в жизни хватало: сегодня туда нельзя, а завтра уже можно. Если осторожно...

Так что ответ если и замедлился, то не более чем на парочку секунд:

– Если поступит от вас приказ, то готов без всяких раздумий!

Кажется, иного ответа от него никто не ждал.

– Тогда – с Богом! Отправляйся немедленно, и да хранит тебя королева! А так как в России в самом деле сейчас сложно и чтобы ты долго не раздумывал, что да как делать, от сего часа выполняешь все распоряжения и приказы Савена, как мои. Отныне он тебя курирует. И не стоит никогда забывать: у великой Британии – неограниченные возможности и очень длинные руки! Понятно?

Пришлось сглотнуть ком в горле, иначе ответить никак не получалось:

– Мм... понятно! – Армянину плевать было на Британию и на её длинные, загибающиеся ручки! Но вот выполнять приказы Савена – это оказалось последней каплей перед готовым вот-вот начаться сумасшествием.

– Тогда действуйте! – приказал Ричард Даркли, словно в сомнении добавляя. – Иначе можете и на самолёт опоздать.

Стоявший до того нерушимо Савен опустил автомат и размашистым шагом устремился к дороге. Только и буркнул с презрением:

– Гегам, за мной!

И пришлось могущественному ещё час назад человеку, по слову которого охранники могли перестрелять друг друга, а потом и сами застрелиться, вприпрыжку мчаться за своим недавним подчинённым. Причём тот зависел от него раньше не только финансово или был повязан кровью. Фактически вся родня Савена могла быть уничтожена, если тот сделает хоть что-то не так. И он это прекрасно знал.

Но теперь шёл впереди уверенно, даже не оборачиваясь и нисколько не сомневаясь в том, что роли кардинально поменялись. А спешащий за ним Шелосян от бешенства чуть губы насквозь не прокусил.

«Какие подлости порой подбрасывает судьба! Мало мне всего, так я теперь оказываюсь на побегушках у этого мерзкого ублюдка?! – и сам чуть не оглох от мысленного крика у себя в голове: – Урою скота! Голыми руками на тряпки порву! Камень грызть буду, но уничтожу! Мамой клянусь, устрою этой твари конец света, со всеми вытекающими последствиями. И Ричарду этому устрою! Со всей его кучкой самонадеянных снобов! Это они меня здесь прижали, потому что я, дурак, выбрал именно данное направление для побега, но ведь есть и такое, о котором никто не знает! Мм... я надеюсь!.. А знают, так плевать! Что угодно вытворю, душу дьяволу заложу, но всё равно отомщу!»

Пока ему только и оставалось, что надеяться на месть в будущем и на то, что его сотни раз заложенная и перезаложенная душа понадобится хоть самому паршивому, самому завалящему и неприхотливому бесу из многочисленной дьявольской когорты покупателей грешных останков. Но жизнь у Гегама Оганесовича Шелосяна от сей минуты и в самом деле начиналась новая и совершенно непредсказуемая.

Глава 2

Рокировка

Иван Фёдорович Загралов, обладатель иномирского устройства, именуемого сигвигатор, оказался в ловушке собственных обещаний. И эти обещания, накладываясь и пересекаясь между собой, создавали просто невероятные сложности в существовании.

Все началось с того, что тесть, как только они остались наедине в его роскошном офисе, однозначно не прослушиваемом месте, подступил к нему со сжатыми кулаками:

– Ты что творишь?! Ты же мне обещал, что с Олечки ни один волосок не упадёт!..

– Так и не упал ведь! – попытался обладатель воздействовать логикой. Сейчас он не мог оправдываться тем, что пообещал супруге полную свободу для ощущения ею всей гаммы жизненных ощущений. Да и самого факта, что очаровательная актриса давно погибла и сейчас заменена созданным фантомом, родственники знать никак не могли.

– ...И не подвергать её жизнь малейшей угрозе! – повышал голос взбешённый генерал. – А ты – подверг! Её чуть не убили! И это твоя вина! Потому что ты, именно ты отказался от всех линий защиты и подстраховки, которые я с друзьями разработал во избежание самых различных неприятностей. И снайпера по соседству поставил бы, и пара автоматчиков рядом с домом в машине восседала, и дачу бы вам для отдыха предоставили более защищённую, и окрестную местность прочесали бы на предмет вооружённых боевиков, и...

– Стоп, стоп! – резко воскликнул зятёк, правда, всё-таки отступая от нависшей над ним мрачной глыбы тестя. И сразу попытался напомнить оппоненту, в каких они родственных отношениях: – Папа! Я что-то запамятовал, мы на «ты» или на «вы»?

В ответ вначале раздалось продолжительное рычание вместе с выдохом, во время которого можно было, не торопясь, досчитать до десяти. И лишь затем размеренные, тяжёлые слова:

– На «ты»! Но это не даёт тебе права игнорировать безопасность своей супруги. Если ещё раз с моей дочерью что-то случится, я не удержусь и могу свернуть тебе шею.

Без труда верилось, что свернёт. А вот по поводу сдержанности следовало бывшему военному напомнить. Хоть это было невероятно сложно. Уж больно эпатировало такое родственное отношение на «ты» даже самого Ивана. Хотя он понимал, что если уж становиться на равных с генералом, то сразу и без всякой

раскачки.

– Тогда держи свои нервы в руках и не веди себя как истеричка, – скучающим тоном пробормотал он, отступая на всякий случай ещё на шаг и усаживаясь в кресло. – Всего предвидеть нельзя, как и поставить снайперов на каждом углу ближайших зданий. Чай, ни она, ни я не президенты, чтобы такие меры безопасности предпринимать. Да и сложилось всё идеальным образом, потому что мне там, на месте, и собственной защиты хватило.

– Вот! А с этого места поподробнее! – не попросил, а грозно потребовал генерал, тоже усаживаясь в другое кресло. При этом он непроизвольно разминал затёкшие ладони, до того сжатые в кулаки. – Доложи: что там произошло, сколько было нападающих, почему осталось только пятеро и кто так зверски сумел поломать им позвоночники.

– Папа, мы тут не в армии, поэтому приказ «Доложи!» не совсем уместен при семейном, пусть даже и со скандалом, разговоре.

Генерал сделал вид, что порывается вскочить и сам себя одновременно успокоить:

– Нет, наверное, я все-таки оставлю свою дочь вдовой!..

В это время Загралов уже давно переговаривался с Ольгой по внутренней связи. Та находилась дома в Москве, в квартире родителей, и помогала матери печь пирожки. Как ни странно, но Лариса Андреевна успокоилась сразу, как только увидела дочь целой и невредимой, никакие объяснения и подробности разгрома дачи ей не потребовались. Обняла дочь и повела её на кухню со словами:

– А давай сготовим нашим мужчинам нечто деликатесное...

И сейчас Ольга свет Карловна, будучи в форме полноценного фантома, могла преспокойно общаться со своим обладателем. И на его претензии к тестю отвечала чисто с нейтральной позиции:

«Решать тебе, как с отцом объясняться и насколько ему приоткрывать наши тайны. Хотя я сразу предлагала кандидатуру отца на должность следующего

фантома...»

«Должность?! – притворно гневался супруг. – Может, вы ещё там у меня в сознании профсоюз организуете? И выбирать своего президента станете? Тем более что твой папа для себя однозначно выберет должность Берии. Не, Берией полковник Клещ станет, а твой папочка сразу на Сталина потянет».

«Ну и здорово! Тебе тогда вообще беспокоиться будет не о чём. Папа всё на себя возьмёт, а когда их станет двое – они такой порядок наведут!..»

«Представляю... Но как воспримет Карл Гансович факт многожёнства своего зятя? И то, что его любимая дочурка всего лишь одна из трёх в постели своего мужа? Пусть при этом главная и самая любимая?

«Ну, знаешь! – любимая стала сердиться всерьёз. – О наших семейных отношениях не смей даже заикнуться! Иначе я точно вдовой стану. Для папы подобный разврат даже в теории неприемлем. Поэтому выкручивайся как хочешь, но смотри не проболтайся! Ты мне... ты всем нам обещал!»

Уже отключившись от общения с женой, Иван скорбно подумал:

«И тут обещал!.. Не слишком ли много я наобещал по каждому поводу?..» – а с тестем продолжил:

– Карл Гансович, ты ведь сам прекрасно знаешь, что в Москве творилось в последнее время. Сколько трупов, непонятных смертей и болезней навалилось на горожан и гостей столицы, не всегда имеющих прописку. Поговаривают, что это силовые структуры таким образом порядок наводят, но не в этом суть. Хуже, что всякие хулиганы и бандиты тоже местами активизировались, пытаются показать себя крутыми и резкими до беспредела. Видимо, мы на такую группу отморозков и нарвались. Когда подъезжали к даче, с машиной таких козлов чуть не столкнулись. Пошли крики, ругань, но тут с нашей стороны в спор вмешалась Елена Сестри и быстро успокоила обнаглевших хулиганов. Те уехали, но зло затаили. Потом, видимо, укололись наркотой или нанюхались, за автоматы – и к нам. Ну и... практически всё...

Загралов и руками развёл, и лицо такое соорудил, словно вопрошал: «Что ещё неясного в таком простеньком вопросе?»

Генерал от такой беспардонности даже растерялся:

– Ты чего?.. И что значит «всё»?.. Хотя я собирался при Ольге вас обоих расспрашивать, кто такая Сестри и почему в вашей компании вместе с ней оказалась ещё и Елена Шулемина?

– О! Один вопрос – правильный. С него и продолжим! – Владелец уже освоился, прикинул, что ему и как надо говорить, и, советуясь по ходу беседы с Клецом, самой ведьмой и супругой Ольгой, продолжал спокойным, чуть ли не скучающим тоном: – Итак, кто такая Сестри? Прежде чем ты, папа, узнаешь, я вынужден взять с тебя клятву, торжественную и безоговорочную. Поклянёшься никогда и никому не рассказывать об услышанном сейчас от меня. В том числе ни своим друзьям, ни соратникам, ни дяде Боре, ни своей дражайшей супруге Ларисе Андреевне.

– Хм! Экий ты!.. – заартачился было генерал. И тут же спросил с пристрастием, чуть не прожигая взглядом насквозь: – А Оленька знает об этом?

– Несомненно! Потом она подтвердит каждое моё слово.

– Если подтвердит... Тогда клянусь! Торжественно и безоговорочно!

– Тогда слушай, Карл Гансович, ни в чём не сомневаясь и ничем не смущаясь. Начну с того, что наша новая знакомая – потомственная ведьма!..

Дальше, используя подсказки и советы фантомов, выложил идеальную полуправду, которая выглядела десятикратно лучше и своевременней, чем голая правда. Дескать, Сестри как раз и обитала в Сибири, возле посёлка Аргунны, и познакомил с ней тот самый гениальный целитель Игнат Ипатьевич Хоч. Потому что ведьма не просто рядом обитала, но и оказывала громадную помощь старику в создании лекарств, сборе редких трав, и даже с помощью своих умений продлевала его долгожительство.

«А что? Так в самом деле и было! – не удержался от восклицаний фантом Сестри. – Если бы не я, Ипатьевич на две недели раньше помер бы! А так – успел великое дело завершить».

«Не отвлекай Ваню пустыми разговорами!» – тут же строго прикрикнула на неё старшая жена. После чего внутренние переговоры допускались только по делу.

А в главном офисе господина Фаншеля шла речь всё про ту же Елену. Как она умеет повлиять на человека, что тот начинает трястись от страха или бросаться на рядом находящихся. Как она наказала хулиганов, а потом и тех, кто напал с боем на дачу. Ну и как она в данный момент надеется на скорую организацию лаборатории, в которой уникальному целителю срочно следует начинать работу над лекарством Яплеса Хоча.

– И это, кстати, в наших непосредственных интересах, – как ни в чем не бывало стал Иван менять тему разговора. – Желательно отыскать старику отдельный особняк и так обставить всё кругом охраной, чтобы и мышь к нему не проскочила. Хотя как раз мышей Ипатьевичу понадобится очень много для проведения опытов и экспериментов. Ну, ты в курсе, я тебе рассказывал...

Но такого зубра в другую колею беседы толкать, что с лавиной бороться. Карл сразу попытался вернуться к теме:

– С лабораторией решим. Ты мне вначале про трупы и про позвоночники всё расскажи! Ну?

– А что рассказывать? Как только ведьма почуяла плохих людей поблизости и прущую от них дикую злобу, выглянула коротко в окно и сразу приказала нам прыгать в подпол. Дальше я ничего не видел, а когда впоследствии спрашивал, Елена ответила, что любопытство вредно для здоровья и свои секреты она всё равно никому не расскажет...

– Ещё как расскажет!

– Ну вот! Ты же обещал!

– А я никому ни слова не скажу! – многозначительно убеждал генерал в отставке. – Сам с ней буду беседовать!

– Тоже исключается! – тоном банкира, предлагающего вкладывать деньги в его банк, возвестил Загралов. – В случае нажима с нашей стороны Яплеса Хоча нам

не видать как своих ушей. Да мы тогда даже жидкий депилятор не получим!.. О! Придумал отличную аббревиатуру для депилятора: «ДЖ – Х». Здорово звучит?

Хотя это не он сам придумал, а фантомы между собой заспорили:

«Какое название несуразное и длинное, – заявил полковник Клещ, обожающий краткость и лаконичность. – Пусть будет просто ЖД».

«Ещё хуже звучит! – не согласилась Ольга Фаншель. Ей, как актрисе, во всём виделся более романтичный подход. – Лучше уже ДЖ, которое созвучно слову «дежавю».

«А про автора забыли? – не смогла смолчать ведьма. – Имя, а ещё лучше фамилию Ипатьевича вставить. Хотя бы первой буквой. Вот и получится «ДЖ – Х». Где на букву «Ха» будут думать, что это икс. Здорово?»

На такой вопрос зятя тесть скривился и совершенно неожиданно проявил невероятную дальновидность:

– Раз уж мы решили распространять депилятор по всему миру и вбухивать миллионы в создание офисов продаж, то не лучше ли озаботиться сразу самым главным нашим сюрпризом? Яплесом Хоча? Если мы завоюем доверие покупателей изначально, то потом они без сомнений станут скупать любые иные лекарства, на которых будет стоять имя Хоча. А уже сегодня мы эти четыре буковки запатентуем со всем тщанием... Поэтому получается, что средств для удаления волос на теле следует назвать «ДЖ – Хоча». Правильно?

– Ну... вроде даже единственно верно, – вынужденно согласился Иван.

– А по поводу ведьмы, – продолжил Карл Гансович, словно они и не отвлекались на разговор о депиляторе, – я приму окончательное решение после разговора с Ольгой. Наедине! И хоть одно её слово не совпадёт с твоим, я становлюсь свободен от данной клятвы о молчании.

Обладатель не испугался, просто согласно кивнул. Хотя мысленно уже общался с супругой:

«Готовься. Папа тебе собирается устроить допрос с пристрастием».

«Ерунда! – беззаботно отозвалась актриса Фаншель, гордящаяся своими несомненными талантами. – Если уж ты отца не испугался и даже нагло с ним на «ты» разговариваешь, то я и подавно его с детства не боялась. Всё устроится, милый».

Но оказалось, что тесть ещё один коварный вопрос приготовил:

– А скажи-ка мне... сынок! Чего это Елену Шулемину соседи видели на развалинах дачи в рваной комбинации?

– А как с ней следовало поступить? Устала в дороге, вот и прилегла в гостевой комнате. В её положении это нормально... – По расширившимся глазам собеседника угадал следующие вопросы: – Она ведь беременна от своего погибшего жениха. Ольга тоже обо всех этих деталях осведомлена.

Генерал резко встал:

– Если так, то отправляемся домой. Нас уже заждались небось.

Глава 3

Иные

– Власть! Ха! Какой смысл к ней стремиться, если, достигнув её, мы потеряем всё? – Волох погладил свою преизрядную лысину и продолжил с ещё большей досадой: – Вот чует! Чует моя душа, что нас обманывают!

Небольшого росточка, сухонький, лет сорока на вид, и с лицом далёкого потомка инициаторов татаро-монгольского ига, этот мужчина ничем больше из своей внешности не бросался в глаза. Даже дешёвые на вид вещи носил самого невзрачного фасона и сереньких расцветок. Кто его знал очень близко, шутили, что Лысый Волох затеряется в толпе из двух женщин. Ибо заслепит наблюдателя своей лысиной. Но подобных шутников на Земле существовало очень мало, их

можно было пересчитать по пальцам, пусть и двух рук. А мнение остального населения планеты обладатель, в быту имеющий, как и все, отчество и фамилию, уже давно и полностью игнорировал.

Сейчас он, несмотря на некую трусоватость, проявляющуюся последние годы в деле контактов, всё-таки встретился со своим коллегой и единственным приятелем Адамом для согласовки совместных действий и для неформального дележа оставшихся вдруг бесхозными территорий. В процессе спора, как всегда, не выдержал и коснулся больной для себя темы – темы власти. Потому что у него уже давно было всё: роскошь, преклонение окружающих и разные излишества до опасного пресыщения. А вот большой, политической, власти не было, ибо возбранялось инструкциями сигвигатора ею обладать. Причём указывалось конкретное количество разумных, возможных оставаться в зависимости или в подчинении: сто тысяч. Вроде бы огромная цифра, и можно было бы подчинить себе половину государства, а ещё лучше – создать своё, небольшое, да и править в нём словно падишах. Хватит для этого и пятидесяти тысяч подданных. Но в том-то и дело, что определение власти весьма и весьма размыто. И любой, кто попадает в экономическую, служебную или территориальную зависимость от владыки, уже находится под его властью. Такими могут оказаться все соседние государства, зависящие от поставок, продажи ископаемых и просто ощущающие себя зависимыми.

Вроде стал падишахом, уселся на троне, а тут раз – и пропал сигвигатор! И ладно бы только у тебя, а то и у ближайшего обладателя наиболее низшего ранга. Конечно, всё равно можно счастливо и беззаботно прожить остаток данных природой лет в неге и роскоши, тратя уже накопленные богатства. Да и фантомами пользоваться разумно, экономно многие годы. Но где гарантии, что остальные люди дадут падишаху воспользоваться честно награбленным достоянием? Нет таких гарантий, да и быть не может.

Хотя имелся другой выход, о котором напомнил собеседник Волоха:

– Пятидесятникам нет смысла нас обманывать, потому что они сами всеми силами отбрыкиваются от любого проявления власти. Но ты можешь воспользоваться наследственным методом. Вручить сигвигатор одному из своих сыновей, и пусть боится твою власть хоть во всей необъятной России-матушке. Мне это не мешает. У нас с тобой дружба, а остальным на это будет глубоко наплевать.

При слове «дружба» брови Волоха чуть скептически дёрнулись. Помимо его воли, пусть и еле заметно, но проскочило истинное отношение к имеющимся связям с коллегой. Ведь они если и общались последние десять лет, то лишь по необходимости, строго по делу, да вынужденные группировать свои силы для защиты от страшно агрессивного, безбашенного и нахрапистого Туза Пик.

Хотя вслух он стал сокрушаться о другом:

– Сыновья? А разве им можно доверять? Да лучше для такого дела первого встречного человека с улицы позвать, чем кого-то из этих неблагодарных полудурков сделать обладателем!

– Может, это по той причине, что у тебя их слишком много? – улыбнулся Адам. – Вот они и воспитывались, ревнуя друг друга к твоей любви. Вот и кажутся жадными, глупыми и бестолковыми.

Лысый глянул на своего массивного собеседника со злом. Сразу раскусил подспудное ехидство и очередной укор в том, что детей не только надо строгать да правильно воспитывать, но ещё и любить. Только тогда они тебе ответят взаимностью. А детей у него было много от разных жён, более двадцати, но вот с любовью к такой ораве явно нестыковка получилась. Папаше просто некогда было холить своих чад, а та роскошь и достаток, которыми он их окружил, вырабатывали только потребительское отношение к жизни и совершенно не способствовали хорошему отношению к родителю.

Так что слова о человеке с улицы были не банальным сотрясением воздуха. Детки Лысого Волоха, особенно старшие, в последнее время только неприятностями о себе напоминали, оказываясь в центре чуть ли не любого скандала или разборки. Нельзя было подобным иждивенцам даже заикнуться о таком источнике своей силы и благосостояния, как сигвигатор.

Поэтому, неприязненно скривившись, многодетный папаша поспешил сменить тему разговора:

– Так что будем делать с этим новеньким? Туза он убрал, хвала нашей фортуне, но как бы теперь и за нас не принялся. Что думаешь?

И устоялся на Адама, который внешне являлся его полной противоположностью. Он был высокий, с благородными чертами лица. Глубокий пронзительный взгляд голубых глаз. Каштановые, вьющиеся, чуть тронутые сединой волосы всегда уложены один к одному, словно только что из-под рук парикмахера. Да плюс ко всему полный комплект самой изысканной, верно подобранной одежды, гармонирующей с уникальными, баснословно дорогими часами. Лоск. Шик. Блеск. Престижный вид. И общая внешность очень богатого, умного, интеллигентного академика из Швеции. Или из Германии. А то и Англии. Не меньше. Никто никогда не мог угадать по внешнему виду, что Адам Борисович Фамулевич чистокровный еврей. Даже узнав имя и фамилию, в лучшем случае предполагали, что он поляк.

А вот внутри Адам был такой же характерный типаж, как и его коллега Волох. Пугливый, осторожный перестраховщик, нерешительный во всех начинаниях и жуткий консерватор, девизом которого было: «Коль сегодня хорошо, то завтра – лучше и не надо!» Тем более это казалось странным, ибо благодаря своей потрясающей авторитетной внешности, ему было легко знакомиться с людьми, втираться к ним в доверие, утрясать любые житейские и глобальные проблемы. Он даже порой становился таким: неудержимым, отчаянным и всё творящим с налёта. Но подобные вспышки активности случались с ним крайне редко, и в основном по причине несомненной опасности. А когда всё успокаивалось вокруг, он сам «ложился на дно», довольствуясь малым и совершенствуясь только в одном: модернизации принадлежащего ему с потрохами небольшого подмосковного посёлка и усилении обороноспособности расположенных под этим посёлком катакомб.

Женщин менял редко, довольствуясь в основном фантомами женского пола. Детей имел мало (по его личным утверждениям), количество и пол отпрысков – скрывал от всех. Хотя никто, даже покойный ныне Туз, этим не интересовался.

Частенько любил сгустить краски, поёрничать и поехидничать. Чем сейчас и занялся:

– Как это – что делать? Постараюсь занять место среди зрителей, желательно на галёрке, да и буду смотреть, как ты этого выскочку станешь учить уму-разуму. Ведь ты ему ни за что не простишь убийство своего величайшего друга Туза Пик?

Волох тоже умел ответить:

– Не надейся, что удастся отсидеться на галёрке и не обгадиться от страха. Не уходи с арены боя, делать это нельзя. Не забывай, что мы в одной лодке, и хорошо, что нас с тобой познакомили в своё время. Если бы мы не сотрудничали, твоя шкура уже давно была бы на барабан натянута.

Услышав неприятное для него напоминание, господин Фамулевич пошёл красными пятнами и чуть не стал заикаться от злости:

– Пасть заткни! Или ты совсем уже рассудительность потерял, раз такие гадости вспоминаешь?!

И было от чего морщиться. Когда-то Туз торжественно поклялся, что выловит Адама, снимет с него живого кожу и натянет её на барабан. Однажды его фантомам повезло, они и в самом деле поймали обладателя, после того как истощили его продолжительным боем. И уже начали срезать кожу с обнажённого пленника, когда подоспели на помощь фантомы Лысого Волоха. Адам выжил тогда чудом, остался со шрамами, и заговаривать с ним на эту тему, было ударом ниже пояса. Поэтому его коллега поспешил извиниться:

– Прости и не серчай, это я так, к слову сказал... Ну и к тому, что отсиживаться нам или прятаться друг за дружкой – нельзя. Либо надо быстро и качественно убедиться, что преемник сигвигатора Туза нормален, адекватен и не агрессивен, либо быстро его уничтожить, суммировав наши силы и не дожидаясь, пока он нас превзойдёт.

– А не лучше ли сразу ударить? Без всякой разведки? – Фамулевич изящно крутанул ладонью в воздухе, словно обрисовывая символ бесконечности. – Вряд ли он знает о нас вообще, так что удара не ждёт. Но самое неприятное и загадочное, что мы никак не можем понять способ убийства Туза. Вернее, не можем оценить те силы, которые были при этом задействованы. Ибо новичок никак не мог за короткое время достичь тех умений и средств обладания, которые мы достигали десятилетиями.

– Пётр Апостол наверняка уже всё расследовал и в курсе случившегося...

– Предлагаешь спросить у него?

– Думаешь, он с нами поделится? – сомневался Волох.

– По крайней мере, официально он всегда декларировал, что подобной информацией мы обязаны делиться. Опять-таки по поводу опасности власти – это он со своим дружкой Леоном утверждает. И если вдруг новичок протолкнётся к президентской кормушке, то, по словам пятидесятников, именно ты пострадаешь в первую очередь. Ведь ты самый слабый из нас, неполный тридцатник. Твой сигвигатор, если что, уйдёт в паре с принадлежавшим Тузу.

– Это меня больше всего и бесит! – опять закипел Лысый, возвращаясь к прежней теме. – Одно дело, когда сам буду виноват, что не туда влез, а другое – если вдруг стану никем по вине неизвестного выскочки. Хоть и не верится мне... Но если принять на веру заявления этих старых мухоморов Леоны и Петра, то именно по этой причине надо быстро, одним решительным ударом вообще убрать неизвестную опасность.

– То есть ты согласен?

– Другого ничего не остаётся. Поэтому предлагаю выдвинуться в Сити, и как только убедимся в местонахождении начинающего обладателя, ударить по нему всеми силами.

Адам Борисович степенно кивнул, соглашаясь, но тут же стал уточнять:

– А что с его устройством? Попытаемся захватить? Или...

– Только захватить! Иного не дано! А вот как это сделать, давай обдумаем и согласуем заранее. Наверняка этот прыщ таскает сигвигатор с собой постоянно. Предлагаю такую схему...

И оба вынужденных союзника приступили к обсуждению предстоящих действий, призванных опередить гипотетический удар по ним самим. Они в тот момент и не предполагали, что Иван Фёдорович Загралов вообще не знает и знать не желает об их существовании. И воевать он не алкал, и тем более с себе подобными, а собирался заниматься только мирными, созидательными делами. Увы! Спрашивать его о намерениях почти никто не собирался.

Глава 4

Интуиция

Гегам Оганесович Шелосян появился в Москве с опозданием всего на час от расчётного времени. Тихо появился, незаметно, скромно. Ругаемый плохими словами своим новым куратором и вздрагивая всем телом от неприятных моральных ощущений. Но зато в тот самый момент, когда некие силы наказания посчитали его смывшимся в дальние края да и поставили напротив фамилии олигарха особую птичку в красном кружочке. Мол, упорхнула пташка, наказание откладывается на потом. А скорей всего на неопределённое время. Иначе мечущиеся по городу духи просто не в силах были объять даже малую часть необъятного. Да и обладателю для заброски фантомов на дальние расстояния просто не хватало собственной силы. Они даже уменьшились вдруг неожиданно в плане заброски. И почему – объяснений не было. То ли старые, то ли какие новые ограничения мешали.

Резко постаревший внешне армянин о духах возмездия, как и про обладателей, ничего не знал, а только прислушивался к собственной интуиции. А та ему подсказывала, что именно полуторачасовое опоздание в пути каким-то образом вывело торговца оружием из-под катка чисток и репрессий. Пусть временно, но вывело.

Лютующий Савен весьма и весьма сердился на получившиеся в пути задержки, но он не мог заподозрить, что ведётся саботаж и время в пути затягивается. Вроде оба рейса разных авиакомпаний были выбраны Шелосяном идеально и доставляли парочку наиболее оптимальным маршрутом в Москву. Но на самом деле отсутствие транзита во время пересадки и вызвало задержку. Первый рейс чуть задержался в пути, а второй, естественно, не стал ждать «чужих» пассажиров ни одной лишней минуты.

Подспудно обрадовало путешествующего олигарха, что его обе «золотые» карты действовали и счета обнулены не были. А вот что расстроило окончательно, так это первое распоряжение нового шефа после посадки самолёта в родной столице:

– Отправляемся в центральный офис. Твоё основное задание: всеми силами привлечь к себе внимание тех таинственных сил, которые занимаются в городе уничтожением, запугиванием и также посылom порчи на твоих коллег.

Гегам похолодел:

– Сам привлекать буду? Без охраны и сотрудников?

– Сам ты только для производства навоза годишься! – не преминул унижить и оскорбить бывший подчинённый. – Там уже действуют новые люди и несколько отысканных «старых». И старого маразматика кадровика отыскиали, так что формально твое акционерное общество уже возобновит работу с минуты на минуту. Меня всем представишь как главного консультанта по вопросам безопасности и заставишь выполнять мои распоряжения на уровне божественных откровений.

Недавний начальник охраны ни в едином своём слове, как и в праве распоряжаться, не сомневался. Чувствовал за спиной у себя силу и с первого момента решил несколько изменить свою должностную ипостась. Всё это невероятно выводило олигарха из себя, но и нужную информацию он среди сжатых приказов верно выхватывал.

Так стало понятно, что большинство сотрудников всё-таки успело «залечь на дно», выполняя последний приказ убегающего кормильца. И хорошо залечь, потому что отыскать их не смогли даже агенты английской разведки. Как-то верилось, что инициаторы репрессий также до них не доберутся.

Больше всего порадовало присутствие на рабочем месте так называемого начальника отдела кадров. Ему уже было под семьдесят, в родственниках он не числился, к большим делам ни боком ни припёком не касался и слыл просто чёрствым и бездушным бюрократом. Таких как раз и берут на работу для запугивания людей со стороны, для содержания в строгости своих, запугивания чужих и для отмазки от всяких налоговых и прочих государственных служб. Этакая цепная собака, которая пропускала в дом хозяина только тех людей, на которых укажет его перст.

И никто не знал (а Гегам особо надеялся, что его английские кураторы тем более не ведают!), что безобидный, чёрствый, сухонький с виду Апавен Эгоян на самом

деле нечто большее, чем непревзойдённый бюрократ и закоряченный крючкотвор. А именно: патологически желающий убивать маньяк. Именно маньяк, а не убийца или работающий по найму киллер. Вот только маньяк чрезвычайно осторожный и мечтающий пускать кровь по закону, то есть не оглядываясь на государство, а наоборот, прикрываясь им. Будь его воля, он бы с самой юности подался в особые войска, где в таких людях тоже нуждались. И в своё время приложил немало сил для просачивания в ряды доблестных специальных агентов «кровавой гэбни». Да не повезло, по физическим данным не прошёл: чуть прихрамывал от рождения и телом вышел слишком хлипким. Это несмотря на уникальное умение кидать ножи точно в цель чуть ли не с любого доступного человеку расстояния.

Имелось ещё одно полезное умение, так и не понадобившееся советским чекистам: Апавен вырос возле старшей сестры, которая была глухонемой с детства. И благодаря этому язык жестов, причём особенный, пальцевой, освоил на сознательном и подсознательном уровнях. Увы, подобные знатоки и умельцы оказались не нужны государству. Первое время маниакальную жажду уничтожения себе подобных господин Эгоян утолял по собственному выбору, долго готовясь к каждому акту и десятикратно перестраховываясь.

Причём убивал не законопослушных и невинных граждан, а тех уголовников и криминальных авторитетов, у которых врагов хватало, как блох на бездомной собаке. Убивал, невзирая на многочисленную охрану вокруг жертвы или ещё большую толпу дружков-собутельников. Так было интереснее, так адреналин бушевал в крови за три месяца до события, и два месяца после него.

Вечно так продолжаться не могло, Апавену уже пошёл четвёртый десяток, а он всё никак не мог крепко «встать на ноги». Следовало искать непотопляемого покровителя, и он его грамотно отыскал в лице молодого Шелосяна, который делал стремительную карьеру по партийной линии. Полгода наблюдений, определённые выводы, а потом и взятие «языка», английского дипломата, который плотно курировал самого Шелосяна. Попытки сноб-англичанин не выдержал, всё рассказал и о своей службе, и о новых агентах, и в том числе о молодом функционере Гегаме Оганесовиче. Вот неудавшийся агент Комитета госбезопасности этим и воспользовался чуть позже.

Естественно, скандал в связи с пропажей дипломата имел место, но так как советские силовики его тоже искали с пеной у рта, всё списали на бытовую уголовщину. Даже шефы МИ-5 в это поверили. Уж слишком покойный любил

крутиться в глухих подворотнях да среди тёмных личностей. А сам он, зарытый глубоко в землю, в глубоком и мрачном подвале, уже ни на кого пожаловаться не мог.

Дальше Апавен Эгоян выждал сколько следовало и появился перед будущим шефом в самый нужный момент. Тому для решения одной деликатной проблемы следовало устранить много знающего конкурента, но которого всеми силами прикрывали и защищали англичане. У них на того тоже имелись далеко идущие планы.

Гегам и Апавен встретились, долго общались, делились откровениями и остались друг другом весьма довольны. Затем несколько прекрасно выполненных заданий окончательно скрепили тайную дружбу. Точно в такой же строжайшей тайне прошло обучение языку глухонемых, который Гегам выучил с особым рвением. Затем вроде бы случайная рекомендация со стороны, и вот уже в окружении зарождающегося олигарха появился человек, ответственный за кадры. Причём за кадры не только криминогенные, а вполне себе официальные и добропорядочные. Но теперь оба земляка имели полное право видаться ежедневно по работе и, не обращая внимания на посторонних, а также не привлекая их внимание к себе, решать свои теневые дела посредством неспешного разговора пальцами.

Получалось изумительно хорошо. Олигарх был доволен и уверен в завтрашнем дне. А патологический маньяк получал регулярные возможности для безнаказанного убийства. Причём плату совершенно не требовал и даже мило стеснялся да отнекивался, когда новый шеф чуть ли не насильно заставлял брать пачки долларов или вручал документы на некую скромную, но милую недвижимость. А для всех скопом он продолжал оставаться жёлчным маразматиком, чинушей, бумажной душонкой, живущим в двухкомнатной «хрущёвке» и уже десять лет приходящим на работу в одном и том же костюме.

Нет, конечно же, некоторые видели Апавена Эгояна и в иной ипостаси: быстрым, волевым, убийственно хладнокровным и в невероятно дорогостоящих костюмах для тренировок. Да вот видели они эту картинку как самую последнюю в своей жизни. Да так и умирали с удивлением в глазах: «И меня сейчас будет убивать этот невзрачный тип?! Ой!.. Уже убил...»

Возвращаясь в свой офис, господин Шелосян понимал, учитывал сразу несколько важных факторов:

«Как бы там ни было, но после разговора с кадровиком о судьбе Савена я могу не беспокоиться. Тот будет убит хотя бы из чисто спортивного интереса. И опасаться того, что Апавен станет работать на нового хозяина, не собираюсь. Та же интуиция мне шепчет, что старикан уже не станет менять дающую руку, а скорей споёт свою «лебединую песню», как он мечтает, и уйдёт в... М-да, уж в рай-то он точно не попадёт... Но для меня важней, что он своим широким тралом из смертей ещё и английских уродов зацепит, а значит, мне будет проще укрыться и дальше отомстить. Вплоть до того, что и самого Ричарда Даркли на фарш пушу! Жаль, что в Россию он давно не является... Или является? А может, можно его как-то сюда выманить? Чем? Гибелью этого ублюдка Савена? Так он, наоборот, испугается... Хотя я тоже могу сделать вид, что испугался... Особенно если неведомые силы террора к нам нагрянут или как-то дадут о себе знать заранее... Тогда на них можно вешать убийство или устранение кого угодно. Теперь бы ещё всё это грамотно просчитать и скрупулёзно объяснить быстрому на броски ножей Эгояну... Ладно, вроде приехали... Выходить?.. Интуиция опять примолкла... Неужели пронесло?.. Всё равно надо постараться не привлекать к себе внимания! И плевать, что там этот урод бормочет! Не хочу, чтобы на меня, словно на живца, кидались неведомые мне акулы!..»

Глава 5

Диспуты

И вновь между обладателем и его фантомами разгорелся очередной спор всё по той же теме: вершителям справедливости не хватало мобильности. Это – раз. И второе – они буквально требовали резкого увеличения своих рядов. Ибо при всём своём желании и возможности протиснуться в каждое тайное помещение они никак не могли и охватить своими действиями настолько громадный мегаполис, как Москва, не удавалось. Да, преступников наказывали, запугивали и даже заставляли явиться с повинной. Да, огромные ряды и колонны оголтелых бандитов резко притихли, а то и полностью свернули свою деятельность. Какая-то часть криминальных элементов просто резко сменила места своего постоянного обитания, не говоря уже о тотальном побеге за границу. Но этого оказалось ничтожно мало. По крайней мере, полковник Клещ, как опытный оперативник, твердил постоянно:

– Не успеваем! Ничего не успеваем! Ну хоть четыре фантома создай ещё! Ну как минимум три! Иначе не справимся. Эти гниды быстро сообразят, что к чему, и начнут свои махинации проворачивать с помощью оговорённых жестов и определённой мимики. То есть ничего конкретного мы не прослушаем и работать станет в десять раз сложнее.

По вопросам увеличения личного состава обладатель соглашался и обещал попытаться утрясти этот вопрос в самое ближайшее время:

– Я просто физически не успеваю сделать всё! За последнее время даже парочки страниц инструкции не расшифровал! – А вот по вопросам мобильности заявлял сразу: – Выше головы не прыгнешь. Что могу, то и получается. Ограничения существуют, и от этого никак не отвертеться.

Правда, по поводу тех самых ограничений постоянно возникали по внутренней связи ярые споры. Все теоретические подсчёты и соотношения с инструкциями сигвигатора отличались от практики. И порой невероятно противоречили друг другу и однозначно не сходились с действительностью. Всё-таки в расшифровке говорилось ясно: полный десятник мог забрасывать свои создания только на сто метров. Двудесятник – на один километр. Тридесатник – на двадцать пять километров. Но как раз именно в пределах семнадцати-восемнадцати километров оперировали Фрол, Игнат и Клещ. А ведь Иван Загралов ещё только имел пятерых фантомов! Он даже не был полным десятником! Как же, спрашивается, он мог совершать действия, доступные лишь тридесатнику?

Тайна? Наличие настолько сильного внутреннего потенциала получивших полное сознание фантомов? Нечто сугубо личное, присущее только данному обладателю? Удачно подобранные пищевые концентраторы энергии, Странная Цепь из двух Колец силы, которая получилась в результате яляторных удовольствий? Или явная ошибка в инструкциях?

Ну и самое загадочное: как удавалось Ивану, будучи в тайге, забрасывать одного перегруженного фантома аж на сто километров? И почему сейчас он вдруг потерял эту способность? Неужели виноваты бетонные здания? Или скученность людей? Или всё дело в несомненном наличии в Москве иных обладателей? Последнее казалось наиболее верным и логичным. Антагонисты всегда мешают росту и развитию друг друга.

Но в любом случае неполный десятник Загралов нивелировал и повергал в прах все описанные в инструкциях нормы. Почему?

Мнений имелось несколько.

Фантом целителя Игната Ипатьевича Хоча утверждал со всей своей возрастной авторитарностью:

– Тебе, Ванюша, просто повезло с нами. Каждый из нас – это волевая, сильная, целеустремлённая личность. И с нашим потенциалом, да с помощью хорошего питания, мы удесят�ряем твои возможности. Но на чём хочу настоять: создавай кого угодно, много, быстро, давай им в руки автоматы и отправляй на помощь Клещу. Потому что лично я – не дух-убийца, хотя и могу помочь общему делу. Я – знахарь! Моё дело не с подонками воевать, а лекарство до ума доводить! И моё слово такое: срочно вызывай в Москву моего дружка, толстого Романова, да прямо сейчас немедленно лепи с него новый фантом. Пусть мне в научных изысканиях помогает! Нечего ему в Аргуннах прятаться!

Речь шла об учёном-микробиологе, который остался в Сибири, работал над производством пищевых концентратов Нямы и готов был к любому содействию. Михаил Станиславович только ждал вызова от компании, хотя так и оставался в неведении основных тайн и самого факта существования фантомов. Только подозревал, что ведьма Сестри вместе с Иваном куда-то упрятали бедного целителя Игната и заставили работать на какую-то секретную организацию.

Мало того, у Загралова имелась в памяти снятая с учёного матрица естества, и он в самом деле мог создать нужный фантом в любое удобное время. Но всё равно почему-то не мог на это решиться, хотя Игнат Ипатьевич Хоч горячо ручался за преданного и старого товарища.

После прозвучавшего требования обладатель согласился:

– Ладно, вызываем дядю Мишу сюда. Сейчас Лена Сестри отправит ему телеграммы... – ведьме пошли сообщения через её действующего фантома. Ну а фантом Романова будет следующим после Кракена.

Фантом пасечника Фрола, который при жизни успел изрядно навоеваться со всякой поганью, своему старшему по возрасту коллеге возражал, посмеиваясь при этом:

– Дедушка, ты слишком много о себе мнишь. Как и про свои концентраторы. Да и Яплес Хоча – это еще не уверенная панацея от какой-либо болезни. Поэтому не спорь: всё наше необычное существование держится на внутренней силе Загралова, о которой он сам ничего пока не ведает. Уж не ведаю, что ему там в себе надо напрягать и тренировать, но именно работой над собой он сможет увеличить и наши ряды, и расстояние для нашего заброса.

Полковник Клещ, ещё при жизни относившийся с ненавистью к разным инструкциям, не сомневался в некомпетентности создателей сигвигатора:

– Мало ли что они там написали? Всё течёт, всё меняется, и правила прошлого века у нас ничего, кроме смеха, не вызывают. Тем более что писаны они явно не для нашего, русского человека. Пусть и на русском языке.

– Патриотично мыслишь, Алексей, – хвалил его фантом ведьмы. – Но и ты не понимаешь самой великой силы, которая рождается в результате Ялято. Ибо всё, что делается с удовольствием, ведёт к деторождению – поощряется матерью-природой, защищается ею и укрепляется. И с этим утверждением нечего даже спорить. Но если ты так хочешь примеры... Ты вон за свою погибшую семью как мстишь яростно! А если бы появилась возможность их оживить, то наверняка твои возможности сразу удвоились бы. Не правда ли?

Несколько запрещённый приём получался – напоминать недавнему оперативнику о погибших детях и супруге, но фантом ведьмы никогда не озадачивался деликатностью. Тогда как натуральная Елена Сестри не могла приструнить свою копию по причине острейшей нехватки времени даже для того, чтобы выспаться. Она в последние два дня только и делала, что занималась подготовкой и комплектацией, а точнее говоря, закупками новейшего оборудования для новой лаборатории целителя. Исследования над лекарством Яплеса Хоча следовало продолжить немедленно. Причём сделать это так, чтобы фантому Игнатьевича, которого могли в любой момент сорвать на помощь иным духам, никто не мешал из посторонних и не мог подсмотреть за его колдовскими исчезновениями. А сейчас ей ещё и новое задание привалило: вызвать срочно Михаила Романова в Москву, встретить и разместить. Всё-таки живой человек, а не дух.

Фантом горячо любимой Ольги Фаншель супруг никуда на задания не отправлял, потому что она жила официально. То есть вынуждена была появляться всё время на людях, участвовать в съёмках как актриса и не пропадать ни на мгновение после своего мнимого и продолжительного похищения. Вдобавок она являлась основой всех яляторных удовольствий. Да и сама не разрешила бы иного, чтобы кто иной стал «основой». Это даже обсуждению не подлежало: она где-то там ловит преступников, а Иван напивается Цепь силы с младшими жёнами!

Сам Загралов был склонен суммировать после диспута всё известное и присовокуплять туда ещё и некие фантазии про сбой устройства, личные стрессы или невероятно благоприятное влияние планеты. Ну и добавлял при этом:

– Представляю, насколько мои силы могут стать большими, имей я в своём распоряжении Кулон-регвигатор для сбора и концентрации потоков венгази. И раз эта штуковина упоминается в инструкциях, значит, она была у Безголового, нашего покойного врага. Если он покойник, конечно, и если удастся отыскать его жилище...

И перепалка между ним и фантомами возникала с новой силой. Ибо Клещ и слышать не хотел, что кто-то из них будет отвлекаться на поиски трупа, в то время когда... Дальше шло сотое перечисление мест, куда они ещё не успели и куда следует немедленно бросить все силы. А для этого надо увеличить количество свободно перемещающихся духов.

Дошло до того, что уже все в один голос набросились на Ивана Фёдоровича с требованием: «Делай! Создавай! Немедленно!» Пришлось ему окончательно определяться с выбором. А его-то как раз и не было в его понимании. Хотя кандидатур предлагалось много, в основном ближайших и, так сказать, «проверенных, облечённых доверием» родственников. Но вот не лежала душа обладателя к предлагаемым кандидатурам. Особенно к кандидатуре тёщи, которую более чем настойчиво предлагала Ольга.

– Да понимаю я, что она самая лучшая и всё поймёт, – сердился он. – Такая умная женщина не может не понять. Но ты пойми, она великая и знаменитая актриса, у неё совершенно иная жизнь, иное воспитание и отличное от нас, даже от тебя, мировосприятие. А нам срочно нужен дух-убийца, таюрти, который будет безжалостно убивать и ломать позвоночники всякому отродью. Пойдёт твоя мать

на такое? Молчишь? Тогда и разговор исчерпан.

– Хорошо. – Супруга в конце концов согласилась. – Тогда выбирай кого хочешь, но не моложе сорока... э-э-э пяти лет. – Она прекрасно знала возможности и симпатии мужа: женщин старше себя он даже гипотетически не мог представить в качестве партнёрши для секса. – Я соглашусь с любым твоим выбором. А вот по поводу мужского фантома я даже спорить не собираюсь: только Базальт! Кракен подождёт!

Естественно, что погибшего от рук бандитов Илью Степановича Резвуна, их общего друга, надёжного товарища, который супругов и познакомил в своё время, возродить следовало обязательно. По крайней мере, следовало попробовать, потому что были сомнения: имеется ли в памяти обладателя матрица естества данного человека. У самого Ивана имелись огромные сомнения иного плана, так сказать, морального и этического. Как Базальт, а вернее, его фантом с полным возвращённым сознанием отнесётся к странной семье Загралова? А ещё точнее, как он воспримет тот факт, что его девушка Елена Шулемина ждёт ребёнка всё от того же Ивана?

К подобным сомнениям все отнеслись с пониманием, а в особенности Шулемина. Но вот Олечка, вполне справедливо, с её точки зрения, возмущалась по поводу терзаний мужа:

– Значит, если я тебе глаза от ревности расцарапаю, то ты не боишься? А как Базальт тебе пару зубов выбьет, то ты распереживался?

Обладатель на такой упрёк даже обиделся:

– Такое впечатление, что ты только мечтаешь меня увидеть беззубым и с поломанными рёбрами...

– ...И ногами! И руками! – добавила любимая, ревниво поблёскивая глазами. – У меня рука не поднялась тебя калечить за соблазнение невинной девушки и моей подруги, а вот наказание со стороны Базальта будет выглядеть самым справедливым действием на свете.

«Вот и пойми любящую женщину! – мысленно поражался Загралов, быстро переводя разговор на другую тему. – Готова здорового мужика сменить на

инвалида, лишь бы он не смог протянуть руки или ноги налево. И вон как теперь всё дело обстоит: это не меня Ленка, а я её, оказывается, совратил! М-да... Парадокс!»

Но про себя решил, что с Ильёй спешить пока не стоит. Хотя и следует дать другу вторую жизнь, хоть и должен он ему по всем понятиям и много всего – следует с этим немного подождать. Разве что совсем приспичит.

А пока у него была одна мужская кандидатура, друг детства и одноклассник Кракен. Он же Кравитц Евгений Олегович, матёрый журналист, рисковый, но умнейший мужик и ко всему прочему настоящий экстрасенс, умеющий видеть ментальное поле человека. Он был единственным в мире, кто сумел рассмотреть в обладателе нечто, отличающее его от других людей. И хотелось надеяться, что при работе с фантомами сможет их отличать от иных людей. Считался немаловажным и тот факт, что Кракен не мучился излишними угрызениями совести во время наказания преступников и прочей швали. А значит, морально готов стать таюрти.

То есть фантом Женьки следовало создавать срочно и безоговорочно, вводя товарища во все дела вокруг обладателя и проистекающие вокруг тайны.

Вопрос стоял только в очередности: шестой, то есть следующей в очереди создания обязана быть женщина. И только седьмым – мужчина. Но тут опять победило мнение большинства. Буквально все посвящённые в один голос твердили:

– Ты попробуй, а там видно будет. Раз уж столько ограничений инструкции нарушил, то наверняка и эту обойдёшь, не поморщишься.

Логика в этом была. Да и в любом случае, если не получится, то Кракена всё равно следовало срочно вводить в курс дела. Он и так, когда узнает, что от него да сколько времени скрывалось, будет доставать своими едкими высокопрофессиональными укорами, после которых только и останется убраться если не из России, то из Москвы точно. Как это сделали многие обыватели, раскритикованные журналистом Кравитцем.

Поэтому Иван пригласил Евгения в квартиру Ольги в обеденное время и несколькими условными словами уведомил, что дело чрезвычайной важности.

Тот не замедлил явиться, шумно вваливаясь, здороваясь на пороге и держа в руках бутылку шампанского и коробку с тортом:

– А где же обворожительная мадмуазель Фаншель?

– У актрисы, помимо съёмок, прочих дел хватает, – обломал его товарищ, затягивая в прихожую и забирая торт после рукопожатия. – О! Я такой тоже люблю! Ну?.. Чего встал? Проходи, проходи! – Завёл его в гостиную, поставил гостинцы на маленький журнальный столик, а сам ткнул рукой на обеденный стол, накрытый двумя одеялами. – Раздевайся до трусов и ложись!

Понятное дело, что журналист заартачился, делая это в форме притворного испуга:

– Дяденька, я всё, всё расскажу! Только не ешьте меня!

– Ты пока ложись, тем более что это я буду рассказывать...

– Ты чего, Грива? – перешёл одноклассник на школьное прозвище, уже начиная сердиться. – Ты же знаешь, я втёмную не играю. Вначале деньги – потом стулья!

– Да-а?.. Не играешь?.. А если я тебе обещаю, что буду рассказывать о том, что творится в Москве с преступниками, почему это происходит и кто это всё творит? Тогда ляжешь?

– Так бы сразу и сказал, – заискивающим тоном продолжил Евгений, быстро расстёгивая пуговицы на рубашке. – За такие сведения я готов себя даже маслом намазать и посолить!

– Ага! – притворно кривясь от вида волосатой груди товарища, забормотал Иван. – Только тебя вначале побрить бы не мешало, прежде чем маслом мазать... а ноги так вообще паяльной лампой просмолить... Ну чё замер? Ложись! Всё равно у меня нет такой лампы, погреться тебе не удастся... На живот вначале...

Начал ощупывать притихшего Кравитца вначале в районе шеи, потом головы, потом плеч. Всё как в инструкции описывалось. И при этом начал постепенно подводить к нужной теме:

– Только сразу тебя придётся обломать. Ты узнаешь невероятные тайны, но написать о них, а тем более раскрыть в своих статьях никак не сможешь...

– Так всё страшно, и меня сразу прихлопнут?

– Нет, дружище, всё гораздо интересней и грязней одновременно. Ты будешь молчать, потому что самому придётся принимать участие во всех этих событиях. Естественно, с совещательным правом определения: кто виноват и что с этим ублюдком сделать.

Кракен выкрутился, словно угорь под руками, ложась на бок и не мигая уставившись другу в глаза:

– Хм... а ведь ты не врёшь... Но скорей всего что-то недоговариваешь или собираешься ловко оперировать полуправдой.

– Окстись, любезный! – обиделся Иван, силой укладывая тело-образец в прежнее положение. – Не с моими скромными талантами в софистике, эклектике и риторике пытаться переиграть словами такого зубра русской журналистики, как ты. Понятно, что тебя вначале следует не просто заинтриговать, а сильно озадачить. Показать нечто такое, во что даже ты не сможешь поверить с ходу. А уже потом приступить к главному изменению твоей жизни...

– Покажи! Немедленно покажи!

– Ладно, чем бы тебя таким удивить?.. – задумался на мгновение Загралов, хотя у него уже давно всё было продумано. Просто следовало узнать, чем занят фантом Фрола и сможет ли он сейчас отлучиться на полминутки. Тот мог, поэтому монолог продолжился: – Ты помнишь, как мы с тобой встречались в «Ёлках-Палках» и нам весьма помог brave капитан полиции?

– Конечно, помню. Тот самый, похожий на пасечника Фрола. Я ещё специально поднимал дело о его гибели... вернее, убийстве.

– Отлично! Так вот этот капитан сейчас появится здесь. Вначале невидимый, но вполне ощущаемый. А чтобы доказать его материальность, он тебе... он тебе, допустим, пятки пощекочет.

– Э-э-э? – Евгений приподнял голову, скептически оглядел всю гостиную и саркастически хмыкнул: – В фокусники подался? Ха! Да нет, если надо, то пусть меня хоть по заднице шлёпает... Только руки свои мне на плечи положи и не вздумай...

Уже стоящий рядом Фрол в образе таюрти не удержался и таким крепким шлепком наградил журналиста пониже спины.

Ох и вскинулся Кракен, ох и взвился! Чуть стол не поломал! И хорошо, что Иван крепко успел придержать друга за спину, чуть не всем весом своего тела прижимая к столу. Могла и люстра пострадать. А то и лепнина на потолке. Потом отчитывайся не столько перед женой, как перед тёщей.

И все эти опасения наговаривались вслух, пока дико озирающийся гость чуток не успокоился и не сумел из себя выдавить:

– А что это было?

– Ты же сам разрешил Фролу тебя шлёпнуть? Вот он и стоит сейчас рядом невидимый. В следующий момент он станет видимым, поздоровается с нами и опять умчится по своим делам. Как раз тем самым, о которых я тебе намекнул и о которых у нас с тобой дальше речь пойдёт. Готов?

– Г-готов... – последовало утверждение без всякой уверенности в голосе.

– Ну... вот он... Здоров будь, Фролушка!

– И тебе не хворать! – буркнул окончательно материализовавшийся фантом, протягивая пятерню журналисту: – Знаю, знаю твоё имя. И что человек ты правильный – тоже знаю. Так что давай быстрее вникай в тему и работать! К нам на помощь. Дел невпроворот.

Да и убыл в прежнее место своей деятельности, километрах в десяти от данной точки пространства. А Кракен так и застыл в неудобном положении, полулёжа и с несуразно вывернутой для рукопожатия рукой. Вот по ней и хлопнул Иван со смехом:

– О, теперь совсем иной коленкор! Теперь ты любую правду воспримешь в нужном ракурсе. Готов слушать?

Журналист вначале закивал в знак согласия, а потом всё-таки не удержался:

– Получается, что и меня можно сделать таким прыгающим сквозь стены невидимкой? И тебя? И...

– Не части! Не рвись сразу к итоговой морали! – стал поучать его товарищ. – Чтобы потом не было сотни тыщ вопросов, я лучше сразу и подробно всё расскажу с самого начала. Итак...

Ликбез растянулся на полтора часа, при этом не касаясь только одной темы: истинной смерти Ольги Карловны Фаншель и того факта, что сейчас вместо неё существует ничем не отличимый фантом женского рода.

Как ни странно, Кравитц как-то спокойно воспринял чуть ли не переворот в мироздании. А вот по поводу дивного многожёнства обладателя позавидовал:

– Однако! Три жены?! Когда с одной раньше справиться не мог?! И одна уже беременна?! Ну, ты крут, Грива! Честное слово, не ожидал от тебя такого! Слушай, а мне можно будет точно таким же образом три жены заиметь?

Иван в недоумении пожал плечами:

– Ну а кто тебе до того мешал иметь? Запрещающего закона жить гражданским браком у нас в России не существует.

– Да нет, я тоже в жёны хочу фантому! Понимаешь? Чтобы мой фантом с её фантомой. Можно так?

– Хм... понятия не имею... Ты меня извини, вопрос сейчас стоит совершенно иначе: согласен ли ты участвовать в нашем деле и с полной ли самоотдачей будет работать твой фантом?

– Что за вопрос?! Конечно, согласен! Я почему-то был уверен, что ты его уже создал, пока мы тут болтаем! Покажи, а? – Он уже давно слез со стола, закончил

одеваться и теперь широкими шагами метался в возбуждении по всей гостиной. – Эх! Жаль, что не то купил! Надо было сразу литр коньяка брать! Как раз на троих бы пошло в честь такого события!

– Ладно, иди на кухню и чай или кофе делай, – решил Иван. – Ты ведь помнишь, что мне вначале с твоим фантомом три раза поговорить надо определённым образом, и только тогда он получит полное сознание тебя нынешнего.

– У-у-у! – в предвкушении загудел Женька, уносясь на кухню. – Сейчас буду сам с собой пьянствовать, жрать торт и... хе-хе, ссориться!..

Обладатель удобно устроился на диване, прикрыл глаза и сосредоточился на знакомой процедуре создания фантома. Разве что вначале заглянул на свою Цепь силы, и с удовлетворением констатировал, что уходящие на поддержку ручки энергии почти не влияют на световую насыщенность и размеры самих Колец. Следовательно, можно не опасаться обмороков да истощения, как это было раньше.

Ну а потом... Потом ничего не получилось!

Что обладатель сигвигатора ни вытворял, как он ни изгалялся с созданием нового фантома, ничего у него не получилось. И кофе уже оказался выпитым четыре раза, и торт съеден подчистую, и шампанское ушло, как роса в пустыне, а третьего собутыльника в компании так и не появилось.

Ничего не оставалось, как подвести грустный итог, в том числе и по внутренней связи с фантомами:

– В данный раз инструкции обойти не удалось. Никак очередность нарушаться не желает... Придётся выбирать Шестую.

И опять диспут, в котором самым рассерженным и нетерпеливым выглядел полковник Клещ:

– Иван! Ну что у тебя за сомнения в такой вот час?! Я с ходу могу порекомендовать нескольких женщин, которые работают в органах и которые

подходят нам по всем моральным и духовным качествам.

– Ага! И все они вот так и сразу, как Кракен, улягутся здесь на столе?

– Если я буду тебе помогать в уговорах – то улягутся.

– Ну да, потом и согласятся скорей от страха и от шока, что увидели ожившего покойника... Нет, мне нужны люди совершенно ничего не боящиеся, легко умеющие перестроить своё сознание на восприятие любого чуда. Ручаешься, что они именно такие?

– Конечно, нет, – смутился Алексей Васильевич. – До такой степени я мог бы ручаться только за свою покойную супругу. Она ведь тоже в органах работала, но как раз в декретном отпуске была со вторым ребёнком, когда их всех...

Резкий произвольный вдох, скорей похожий на спазм, не дал Клецу договорить о трагедии, и он замолк. Что лишний раз подтверждало: и у фантома в наличии все присущие живому человеку эмоции. Причём он в данный момент находился в ипостаси духа таюрти и, как таковой, ни лёгкими, ни гортанью не обладал, а вот поди ж ты, как естественно отреагировал!

Все это слышали, поэтому уже в который раз повторил Фрол своё не единожды звучавшее предложение:

– Айда в морг! Там столько женских тел, что обязательно выбор сделается.

– Но я потом не смогу им вернуть полное сознание, – тоже повторился Загралов.

– А нам и не надо её сознания! – несколько цинично звучало со стороны вроде как не способного на такое пасечника. – Лишь бы твои распоряжения выполняла, расстреливая в упор всякую нечисть. Большого от неё ничего не требуется, таюрти из неё делать не надо. И учти, каждый час твоего раздумья и сомнений – это десятки, а то и сотни жертв среди мирных, ни в чём не повинных граждан, которых бандиты продолжают уничтожать либо специально, либо косвенно, во время превентивных мер по защите своих интересов.

После такого заявления его активно поддержали не только Клещ и дед Игнат, но и Елена Сестри-два:

– Действительно, Иван, вариант и в самом деле подходящий на данном этапе. Иначе нам в этом болоте придётся завязнуть на годы и годы, а тебе скакать да скакать только по одной Москве неведомо сколько.

– Мало того, – продолжил с напором Фрол. – Мы можем выбрать кого-нибудь в реанимации, и тоже люди отыщутся вполне порядочные, особенно среди безвинно пострадавших. Не говоря уже о тех, кто пострадал из-за своей честности и принципиальности.

Диспут продолжился с новой силой, а примолкший Загралов кривился под взглядом своего друга Кракена и не знал, на что ему решиться. Никак ему не хотелось брать в свою команду людей посторонних, а тем более случайных. Что-то ему словно шептало внутри, что так делать нельзя, не стоит спешить, лучше всё-таки подождать... А вот сколько подождать или чего, никто в сознании шептать не спешил! И это неприятно раздражало.

Евгений не выдержал и шёпотом поинтересовался:

– О чём разговариваете?

– Спорим...

– А-а-а... никак с женским фантомом определить не можете?

– Именно...

– Так бери свою мать... – Видя, как обладатель скривился в очередных невысказанных сомнениях, продолжил: – Или пусть фантомы своих жён возьмут. Ты ведь говорил, что у полковника была...

– Так она у него была. А я-то своими руками её не сканировал. Как тебя, например.

– Ну и что? – удивлялся журналист. – Я, конечно, не знаю всех твоих заморочек и запретов, но если речь идёт о некоей матрице ещё живого человека, то она есть в памяти каждой клетки мироздания. Надо её только достать, эту память...

– Нет, так не пойдёт.

– ...Или хотя бы воспользоваться тем последним передаточным звеном, в котором эта память сохранена лучше всего. То есть руками самого полковника. Уж наверняка там его жена скопирована во всех, даже в самых несуразных позах...

Иван посмотрел на друга с укором, тоже непроизвольно переходя на шёпот:

– Вроде за тобой раньше не замечал такого интереса к интимной жизни. Или у тебя уже крыша ехать стала от одиночества? Жениться пора?

– Может, и пора...

– Услышь тебя сейчас Клещ, так бы в ухо тебе и зарядил.

– А чё сразу в ухо? – обиделся Кракен. – Я дело говорю. Возьми у него и спроси. А ещё лучше – попробуй сразу. Или проблема большая?

По сути, если бы и в самом деле удалось ощутить матрицу «через кого-то», создать новый фантом труда не составило бы. Попытка не пытка, и за это не побьют. Но как заявить о подобном Клещу, Загралов не знал. Всё-таки ситуация ситуации рознь. Поэтому вначале решил попробовать на том, кто ближе:

– Кракен, а ты помнишь своими руками какую-нибудь женщину? Только нормальную, по всем нашим понятиям?

Друг задумался:

– Нормальную?.. Да ещё и по всем?..

– Ну, чтобы хоть положительная персона была?

– Хм! А ты знаешь, есть! – оживился журналист. – Причём даже весьма положительная и слишком уж принципиально честная. Тоже корреспондент и журналист. Я с ней лет пять назад случайно сошёлся после одной вечеринки... Мм! И до чего же страстная особа!..

– Меня эти подробности не волнуют! – попытался оборвать его Иван, радуясь, что никто из спорящих фантомов, а в особенности Олечка, данный разговор не слышит. Но корреспондент продолжил с настойчивостью:

– Ведь всё важно для характеристики человека. Так вот... Встречались мы с ней тайно, хотя даже с тобой я её как-то мельком познакомил. Ты нам попался очень пьяный, и мы помогли тебе чуток «обмыть» твою новую машину. Вспомнил?.. – Получив неуверенное пожатие плеч, продолжил: – Я на тот час жениться не планировал, да и у неё жених видный имелся и вроде в бизнесе неплохо крутился. Умнейший мужик. Талант. Только ты знаешь, как в нашем мире несправедливость лютует. Зацепила Галина как-то нечаянно нескольких бывших партаппаратчиков, те откровенной уголовщиной занимались. Бандиты на неё и наехали, а там и бизнесмена-жениха давить начали. Мы собрались всем скопом газетчиков войну объявить, как мужик взял да и слинял в Грецию со всеми своими делами и активами. Умел и знал, как это делать. Ну и Галину забрал... – Евгений грустно вздохнул. – Даже не знаю, как она там сейчас. Пару раз вначале написала, что у них всё хорошо и устроились на новом месте прекрасно. Но... стоит мне только пальцами пошевелить да глаза закрыть, так и чувствую её упругое шелковистое тело...

– Ладно, давай попробуем! – решился обладатель. – Становимся вокруг стола и протягиваем ладони над ним. Вот так... Вначале твои ладони внизу... Представляй!

Минут пять прошло без толку. Потом поменяли положение рук, теперь ладони Евгения получились сверху. И неожиданно, где-то на периферии сознания Загралова стал формироваться женский, чуть ли не осязаемый образ. Причём неожиданно знакомый! Потому что после этого он сразу вспомнил и тот день, когда они вместе сидели в каком-то ресторане, и большое количество выпивки, и напоследок даже гриль-бар, в котором они умяли (после несусветных цен на еду в ресторане!) целых две курочки.

– Так, так, так!.. – забормотал Иван, не открывая глаз и транслируя попутно суть происходящего своим фантомам. – А ведь, кажется, получилось... Мало того, моя

память подкинула не только внешний облик этой женщины, но и отчество с фамилией: Галина Павловна Тарнавская... Правильно?

– Точно! – ликовал друг детства. – У тебя получилось! Я знал! Вот как чувствовал!

Пришлось его осаживать:

– Не рано ли радуешься? Ещё ведь только полдела...

– А я верю, у тебя получится! – И, подпрыгивая от восторга, умчался на кухню. Оттуда донеслось: – Завариваю кофе на троих! Как она любит!

Смутные подозрения прорезались по поводу этой его бурной радости. Так и представлялось, что появившись здесь Галина, ставшая наверняка уже гречанкой, то господин Кравитц так её всю и зацелует. В лучшем случае... И внимания не обратит, если она будет бездушной куклой, готовой выполнять любое распоряжение обладателя.

Поэтому Иван вначале настроился на простенькую беседу с фантомом госпожи Тарнавской где-то там, в подпространстве. Нечего её сразу показывать странно озадаченному самцу! И приступил к работе.

Глава 6

Шестая

Но и тут получился полный облом. Матрица естества в сознании была. Силы – имелись. Настрой и действия – все правильные. А вот фантом – ни за что не хотел создаваться! Вроде и формироваться начинал где-то там, вроде двух, а то и одного шажка не хватало до оживления, а как ни бился обладатель, как ни старался, ничего не получалось.

В итоге он не просто расстроился, а натурально разозлился:

– Да что ж так сегодня не везёт?! Или это из-за тебя, Кракен? – при этом не стеснялся транслировать переговоры по всем каналам внутренней связи. Собирался уже Ольгу призвать да товарища постепенно выпроводить. – Что ни делаю, ничего не получается. И время! Да в сумме я на тебя часа четыре потерял, если не больше, и всё без толку.

Так и хотелось добавить, что за это время можно было горы свернуть. Или как минимум десяток страниц всё той же утомляющей инструкции перевести.

– Ага, нашёл виноватого! – нисколько не обиделся Евгений свет Олегович. – Сам портачишь, но ни в жизнь не сознаешься. А что мой торт слопал и кофе личного приготовления пивал, так даже спасибо не сказал.

Загралов открыл рот и собрался спорить, как отозвался Клещ:

– Иван, у меня к тебе огромнейшая просьба. Только ты отнесись к ней спокойно...

– Что за предисловия, полковник? – нервничал Загралов. – На тебя не похоже!

– Так ведь вопрос деликатный, а ты вон какой злой...

– Да не злой я! – чуть вспыхнул и понял, что надо успокоиться. Стал повторять, словно мантру: – Добрый я, добрый... невероятно добрый...

– Ну тогда вытащи меня к себе, – решился Клещ, – иними с моих рук матрицу моей жены.

– Оп-па! Алексей Васильевич! Но ты ведь понял, что у нас ничего не получилось?

– Понял. Но вдруг у нас получится?

– С чего бы это? – недоумевал обладатель и получил неожиданный ответ:

– Ну... Евгений-то – нормальный человек, а я фантом. Вдруг у меня с рук матрица снимется несколько особенная?

Резона в его словах не было ни на грош. Как и логики. Зато сколько надежды и смятения! Вот потому Иван не стал возражать, подумав:

«Да ладно, полчаса меня не спасёт. Попробую...» Тут же предупредил Кракена о визитёре и о цели визита, а через десяток секунд и гость объявился. Форма одежды – «отдыхающий на речке»: шорты, майка, сандалии. Несколько подобных вариантов для разных случаев обладатель оговорил с каждым фантомом в отдельности и создавал их, как говорится, на злобу дня.

Познакомил полковника с таращащим глаза журналистом и уже вместе с ним стал водить ладонями над столом. Как это было ни странно, матрица сути создалась довольно быстро и вроде как целостно, без малейшего изъяна. Так что, похмыкав и не найдя к чему придраться, Иван тут же начал творить: стоя, не расслабляясь на диване. И, конечно же, первую попытку сделал по созданию совершенно неизвестной ему женщины где-то там.

И опять неудача! Как ни крутил полученную матрицу, как ни протягивал её в реальное воплощение – ничего не получалось. Ну разве что были какие-то существенные изменения и различия с той матрицей, которую предоставил Кравитц. Но какие именно, понять не получалось. Да и смысла пока не виделось: всё равно ведь не получается. А изменения потому и имеются, что воспоминания тактильные снимались с рук реального человека и фантома.

– Всё, круг замкнулся, и я зверски устал! – заявил Иван, решив завершить рабочий день. – И не столько физически устал, как морально. Да, дружище Женя, и кофе твой не помог. Полковник, тебя куда?

– На прежнее место... – Несмотря на присущую ему подтянутость и подвижность, сейчас Алексей Васильевич выглядел словно мешком пришибленный. И утешить-то его нечем было, только как можно быстрее окунуть с головой в работу.

После исчезновения Клеща стал собираться и Кравитц, не удержавшийся от итоговых комментариев:

– Думал, к тебе только на часик заскочу, а оно вон как засиделся! Но оно того стоило, считай, вся жизнь моя теперь перевернулась, и я понял, что она не бессмысленна. Спасибо тебе!

Пожимая ему руку, Загралов ворчал:

– Спасибо на хлеб не положишь, отработаешь лучше вместе с фантомом.

– Эх!.. Да я... да я сейчас горы сверну! – раздухарился корреспондент. Чем сразу напугал обладателя. Тот так и не выпустил руку друга из своей:

– Стоять! И сразу строго предупреждаю: никуда не лезть и даже кончиком мизинца своего не рисковать. Ты не стал бессмертным и никогда им не станешь! Учитывай это каждое мгновение и не лезь на рожон. А то знаю я тебя!.. Только дай тебе большую палку, так ты сутками спать не будешь, а станешь носиться по округе и дубасить этой палкой всех плохих дядек. Вот когда появится твой фантом и у тебя образуется через него со мной постоянная связь, вот тогда мы вместе, общими усилиями, можем спокойней работать в относительной безопасности. Понял?

– Да как не понять, ваше святое высокопревосходительство! – ёрничал Кракен. – Сижусь как мышка, дышу как птичка и жду вашего благословения!

– Ну, брось дурачиться, Жень! – совсем другим тоном попросил обитатель квартиры, уже провожая гостя к лифту. – Я на полном серьёзе тебя прошу... И требую!

– Ты за лоха приезжего меня тоже не держи. Всё прекрасно понимаю, буду страховаться по полной.

На том и распрощались. А вернувшись в квартиру, Загралов отправился мыть чашки на кухню, так и не прекращая усиленную умственную деятельность сразу двумя потоками сознания. Вначале спросил фантомов, как они там справляются. Судя по ответам, не справлялись. А объяснения этого могли опять перерасти в диспут. Поэтому быстренько связался с супругой, которая уже заканчивала работу на студии:

«Когда будешь дома?»

«Минут через сорок. Тут уже папа с личным транспортом и телохранителем меня ожидает. – И пожаловалась: – Малышкой так с детского садика не забирали, как

с работы!»

«Ничего не поделаешь, сама напросилась жить как все. А так бы оставалась фантомом, была бы только моей, и...»

«Смейся, смейся! Я сейчас домой вернусь и всё тебе припомню, что ты вытворял, пока меня не было!»

И с таким подтекстом это прозвучало, что у Загралова резко заныло в груди от неприятных воспоминаний. «Не было»! Как это страшно звучит! Да ещё и голосом любимой!

Но понимая, что заикливаться на таких словах нельзя, сам попытался ответить с простецким смешком:

«Да что я мог делать, дорогая?! Только скучать по тебе и плакать...»

«Ага! Горькими слезами он плакал! А теперь от этих слёз у него дети будут! Раньше, чем у меня!»

«Милая моя, ты так тонко умеешь пошутить! – Они вроде как оба смеялись, но грань, отделяющая от скандала, оставалась невероятно тоненькой. Женщины обиды прощают быстро, если просить прощения искренне, но не забывают никогда. Поэтому пришлось срочно переключать внимание супруги на другую, более приятную для неё тему: – Ты оговорила на работе время для отпуска? Всё-таки нам необходимо будет после официальной свадьбы отправиться в путешествие».

«Оговорила. И меня готовы в это путешествие на руках отправить. Да только я так совершенно свою карьеру разрушу...»

И стала вещать, уже находясь с отцом в пути, как настоящей актрисе важно быть всё время на экране, на слуху, на виду, в студии и у главных режиссеров на подхвате. Иначе о тебе быстро забудут, перестанут здороваться, придёт незаметно старость... и так далее и тому подобное.

Обладатель поддакивал время от времени да продолжал убираться на кухне. Тогда как сам с максимальной интенсивностью вторым потоком сознания пытался отыскать причины сегодняшних неудач:

«Ладно, Кракен – с ним всё понятно. Очерёдность обозначена чётко, через неё не прыгнешь. Недаром все фантомы Безголового были в строгой пропорции по половым признакам. А вот почему с возрождёнными женщинами не получилось? Потому что не с моих рук матрица делалась? Однозначно. А что ещё? Почему имеется та самая разница, которую я замечаю, а вот понять, прочувствовать не могу? И как эту разницу правильно охарактеризовать?»

В самом деле, даже определения ощущениям вначале подобрать не удалось. И только к приезду жены стало приходить понимание, вернее, диковинное сравнение со смешавшимися запахами. Причём смешавшимися неправильно. Вот вроде как и ни при чём орган обоняния, а сравнение идёт именно оттуда. Почему?

Разобраться долго не удавалось. Прибежала Ольга, повела чуть ли не силой на ужин к теще. Пришлось спускаться несколькими этажами ниже. Аппетит отсутствовал, даже несмотря на выпитые с тестем грамм по сто коньяка. И лишь когда подали сладкое, в голове сформировалась отменная идея:

«А чего это я мучаюсь?! Под боком сидит уникальный и прекрасно действующий образец! Только и надо, что внимательно всмотреться в Оленьку и сравнить её матрицу с матрицами кандидаток! А для сравнения рядышком положить и Сестри-два. Точно! Мм?.. Тогда почему я тут расслаиваюсь?..»

Вскочил, хлопая себя ладонью по лбу:

– Как же я забыл?! Чуть важные переговоры не пропустил! Милая, пошли, ты мне поможешь... Лариса Андреевна, спасибо за ужин! Он, как всегда, великолепен! Карл Гансович, может быть, ещё сегодня увидимся. Поэтому говорю: до скорого!

– А как же десерт? – чуть не плакала теща. – Я не ем, Карлу нельзя, а я так старалась! – На скептический, недоумевающий взгляд мужа «С чего это мне нельзя?» она старалась не обращать внимания. – Может, с собой возьмёте? Хотя что-то?

– Ой, спасибо, мамочка! – Любимая дочь деловито загребла со стола всю вазу с печенюшками, пирожными и кусочками торта и поспешила за супругом со словами: – Какая вкуснятина! И мои любимые эклеры!..

Её отец только крякнул вначале и лишь потом бросил вслед:

– А как же фигура, доченька? Ты и так... хм, больше меня ешь.

– Не переживай, папочка! За последнюю неделю и на сто грамм не поправилась. Хи-хи! Так что пока не стану беременной, пополнение мне не грозит.

Уже у себя в квартире она водрузила вазу на столик и сразу же покорно улеглась на стол. Объяснений супругам больше не требовалось, они отлично успели переговорить по внутренней связи обладателя с фантомом.

Началось сравнение. Причём примерно каждые пять минут рядышком с Ольгой появлялся фантом Елены Сестри. Коротко появлялся, на минуту, а то и меньше (всё-таки Клещ и на это ругался, вопя, что «господа подсудимые разбегаются, как тараканы!»), но и этого хватало. На её матрице делалось только малое сравнение уже по конкретным параметрам. Причём обе женщины могли постоянно общаться и по внутренней связи, но как только оказывались рядом, тут же переходили на оживлённую звуковую речь. Тоже фактор, говорящий, что дамы скучают именно по такому общению. Привычка такая или природой заложено?

Изучение и сравнение затянулось надолго, часа на два. Но самое главное, что труд оказался не напрасным. Главная особенность всё-таки была вычленена. И хоть она всё-таки никак не была связана с органами обоняния, что-то сродни этому ощущению просматривалось. Чтобы потом не путаться, Иван назвал вначале новинку «ощущением аурного фона», но после некоторого размышления сменил первое слово на «росток». Потому что неведомая структура очень напоминала собой именно росток. Такой весь из себя струящийся, трепещущий и рвущийся вверх. Причём его нельзя было ни увидеть, ни услышать, ни обонять, ни пощупать. Ни тем более попробовать. Вот так и напрашивалась новая классификация совершенно иного для человека чувства.

«Как назвать это новое чувство? Ещё бы знать, за что оно отвечает, и что показывает, и чем его можно подтвердить. Ну да, именно подтвердить! Потому

что сейчас я себе напоминаю слепого и безрукого, который понятия не имеет, что такое трактор, и вдруг его услышал. Что он подумает изначально? Если со страха лапти не откинет, конечно... Да ничего... Коль очень смелый – пойдёт дальше. Если повезёт, на него подует ветер и он ощутит запах сгоревшей солярки. А дальше? Рук-то нет! Ничего не остаётся, как только попробовать трактор на вкус. Вот тут-то бедному инвалиду и крышка. А мне ничего не грозит, если я стану к этому ростку прикасаться? Мм?.. Знать бы ещё чем? Вдруг я как раз неосторожно не тем, чем надо, потянусь? Как тот инвалид зубами да языком к трактору?..»

А потянуться или чем-то ухватить ростки было необходимо. Потому что как раз в их положении и крылась главная разница. Хотя и в ином, каждый из них имел некое различие. Но опять-таки, обычные сравнения цветов и запахов, слуха или тактильных ощущений не подходили. Разве что очень отдалённо и чисто схематически. Так, например, росток Ольги казался весёлым, игривым, светлым, наполненным звоном колокольчиков и сборной солянкой из запахов весны. Росток Елены Сестри – степенным, насыщенным цветом, с басистой музыкой духового оркестра и запахом спелого персика, чёрной сливы и скатанной в стороны бахчи.

Оба они стояли, росли, тянулись, жили (опять верное определение не подбиралось) совершенно вольготно и бесшабашно.

Тогда как некие образования иных двух матриц явно были как-то ущемлены. Росток Галины Тарнавской казался придавленным огромной серой глыбой невзрачного «ничто». А вот в матрице погибшей супруги Клеща чётко просматривался конкретный надрез сразу в трёх местах. А может, и надломы или смятия... тут никакое определение нельзя было бы назвать правильным.

Но с другой стороны, если пользоваться обычным языком программирования, то проще всего было бы назвать ущемлённые участки ростков ошибкой, сбоем в определённой программе. И этот сбой следовало ликвидировать.

Как? Это уже другой вопрос, но понятно, что воздействием. И чем воздействовать? Конечно же, правильной информацией. То есть навязывая повреждённой программе единственно верные алгоритмы возрождения. Если применимо к ростку – то излечения. Причина найдена. Пути решения определены. Осталось только действовать.

Начал Загралов с серого камня, который придавил, распластал росток Галины Тарнавской. Он ему показался вроде как более простой преградой, помехой, сбоем (нужное подчеркнуть). Но прошло полчаса, Ольга уже уснула на столе, потому что Сестри-два давно не появлялась, а результатов – ноль. Тогда он перешёл на росток госпожи Клещ. Но и там – ничего.

Злости уже не осталось, сердиться тоже не на кого было. Да и вообще вся деятельность за сегодня показалась обладателю никчемной тратой времени. Взглянув на часы, твёрдо решил:

«Ещё полчаса – и спать! Иначе я сам себя уважать перестану!»

Через час времени он себя точно перестал уважать. С упорством медленно, но верно растущего дерева пробивался к свету истины. Потому что ему стало весьма интересно после маленького эксперимента. Он послал к тому странному образованию лучик радости, с которой, допустим, сегодня увиделся с другом детства Кракеном. И неведомая субстанция в месте гипотетического касания этим призрачным лучиком резко изменилась. Тоже нельзя было сказать чётко, что изменение стало положительным, для этого надо было обладать десятью, а не пятью органами чувств. Но вот интуиция подсказывала: матрица почувствовала, и она рада!

С этого всё и началось: надо лечить хорошим настроением, оптимизмом, чудесными новостями и всем, что приносит радость. А что может принести радость информационной матрице человека, которого убили зверски на глазах у собственных детей?

Ох, какой сложный вопрос! И как на него нелегко было отыскать ответ. Три надлома? А не горечь ли это о самых близких для той женщины? Вдруг её детей к моменту собственной смерти уже убили? А то и сказали, что мужа тоже уничтожили подлым ударом в спину? Вот она и сломалась морально... Вот её физическая смерть уже ничего и не решала...

Как теперь подлечить, восстановить росток? Правильно, только полуправдой. И в чём она заключается? Вот нужный лучик и отправился ко всем трём изломам сразу. И гласил он только две мысли-фразы:

«Алексей жив и ждёт тебя! Возвращайся скорей!»

Самый нижний излом сразу же на послание откликнулся: заволновался, закипел, зашумел рваной музыкой и ударил неизвестными запахами.

«Ага! Мы на верном пути! – ликовал обладатель, посылая уже собственные мысли конкретно в одно место излома: – Я только недавно общался с Алексеем Васильевичем! Он ждёт тебя! – Тот момент, что он даже не знает до сих пор имени жены полковника, нисколько не расстроил Ивана: – Женщина! Твой муж жив и страшно по тебе скучает! Хочет тебя обнять, увидеть, поносить на руках! Оживай! Просыпайся! Тебя ждёт семья!»

Тут вздрогнули, начали положительно преобразовываться и два остальных повреждения на ростке. Пусть и полуправда, но она оказалась не менее живительной, чем совершенно правдивое известие. Да и как можно сомневаться? Ведь муж – это и есть семья. Раз он ждёт, значит, и семья ждёт. А данное обстоятельство для женщины важнее всего. Она с того света вернётся, лишь бы ответить на зов, лишь бы появиться в призрачном полёте.

Постепенно матрица естества, а точнее говоря, «росток аурного фона» встал, выпрямился, разросся до нормального объёма и стал совершенно идентичен по живости характера с действующими фантомами. Пока обладатель стоял, мысленным взором рассматривая чудо такого возрождения, совершенно непроизвольно, чуть ли не самостоятельно фантом сотворился в своей первой ипостаси там. Хорошо, что пришло к Загралову понимание:

«Я над этим полдня бился! У меня всё подсознание на создание настроено! Так что чему удивляться-то? Надо начинать первый разговор...»

Дело нехитрое: вопросы обладателя личного характера, на которые фантом просто не имеет права не ответить. А потом и короткие, лаконичные и обесцвеченные до безобразия ответы. Ещё парочка вопросов, и... и первый разговор можно считать свершившимся.

Иван вытер вспотевший лоб, но прежде чем будить Ольгу, спешно заглянул на свою Цепь. Глянул, задёргался и не удержался от восклицаний вслух:

– Махтитун-дроботун три раза! И Едритун – дважды! – но испугался ещё больше, когда сообразил, что резко проснувшаяся любимая слишком дёрнулась и

начинает падать со стола. Потом вспоминал и не смог сообразить, как он додумался до следующего действия: просто убрал фантом супруги из действительности и в следующую секунду вновь материализовал его, но уже у себя на руках. Обожаемая Махестада даже испугаться не успела.

Лишь моргнула своими прекрасными ресницами и недоумённо спросила:

– Ты чего кричал?

– Уф! Заглянул на свои Кольца, а они на треть истончились! Понятно, что не критично, но всё равно неприятно.

Ольга грустно вздохнула:

– Ладно, зови Сестри-два, будем пополнять твои запасы... А! Кстати! А куда треть силы делась? Не забыл, сколько нам за неё пришлось корячиться? Образно говоря...

– Забудешь такое, – позволил Иван Фёдорович себе фривольную улыбку.

Но так как ответной не последовало, а брови любимой стали хмуриться, тут же приступил к пересказу своей последней деятельности. Когда Фаншель осознала, что удалось, как и кого именно создать, радостно пискнула:

– Ура! У тебя получилось! Надо немедленно...

– Не надо! – тут же оборвал её супруг. – Ни словом не смей проговориться полковнику. Пусть человек спокойно работает эту ночь. Потому что мне, прежде чем устроить ему встречу с женой, надо ещё раз всё чётко и грамотно проверить. Всё-таки исчезновение целой трети моих сил – дело неприятное, если не опасное. Согласна?

– Конечно, милый! Молчу как рыбка.

– Молодец. И как рыбка не забудь подкрепиться. – В гостиной появился фантом Елены Сестри, и следующее указание последовало для неё. – И тебя касается: примите по три Яшисарри и по два Няма.

– А пирожные? – напомнила жена.

– Их – в первую очередь. Иначе в следующий раз ничего от тёщи не получу в нагрузку. А я – первым в ванную.

Причём поспешил не столько мыться, как просто замереть под расслабляющими струями воды, осмотреться там и выяснить: куда и почему получилась такая страшная утечка? Но сколько ни приглядывался к Цепи, так ничего и не понял. Два ручья утекало недалеко, к двум фантомам на кухне. Три, более полноводных, в разные стороны – к Фролу, Игнату и Клещу. И самый меньший – к Елене Шулеминой. Точнее говоря, к носимому ею ребёнку от Ивана Загралова. Ну и как матери, ей тоже нечто значительное перепало.

Все потоки оставались неизменными. А посторонних не наблюдалось. Из чего напрашивался один вывод: работа с ростками аурного фона – та ещё прорва! Не приведи судьба увлечься – от самого обладателя останется ссохшаяся кожа...

«Печально... Но не смертельно. Лишь бы чего хуже не было, – размышлял обладатель, укладываясь на кровати. – Матрица-то уже излечена и подправлена, а фантом... С фантомом надо присмотреться... – Открыл глаза, прислушался, жёны как раз оккупировали ванную. – Почему бы и не сейчас?

И стал быстро действовать. Создал фантом жены Клеща и затеял второй разговор:

«Как твоё имя и отчество?» – чем не тема? Да и нужная, ко всему.

«Ульяна Семёновна...»

«Назови все блюда и яства, которые нравятся тебе!» – Пока подневольная сущность перечисляла, Иван размышлял по поводу предстоящей встречи. Если уж делать супругам Клещ сюрприз, то почему бы не устроить хотя бы простенькое застолье?

Затем поинтересовался, что любит сам Александр Васильевич. Оказалось, всё, что готовила супруга своими ручками. По сути, и это можно устроить.

Развеял фантом. Тут же его вновь создал там, уже начиная тот разговор, который делает созданное существо полноценным и разумным, ощущающим собственную независимость мышления:

«Ты сильно хочешь встретиться со своим супругом?»

«Сильно...»

«В какое время это сделать лучше?»

«В любое...» – всё так же бесцветно отвечала женщина на продолжающиеся однотипные вопросы. И таких вопросов последовало с десятков, пока вдруг там не зависло напряжённое молчание. Пришлось даже переспросить, но очередной ответ последовал со смыслом и явно не в тему:

«Саша?! Он жив?! Где он?» – Ульяна даже не интересовалась, что с ней и где она, настолько взволновало её напоминание о муже.

Чтобы не отвечать на печальные вопросы о детях, Загралов развеял фантом. Для неё всё равно нет ощущения безвременной пустоты между сотворениями, следующее мгновение жизни начнётся уже со следующего вопроса. Так что никаких обид или упрёков в будущем не ожидалось.

Как и предвиделось, сил на два разговора ушло ничтожно мало. Что не могло не радовать: причина утечки найдена – ростки! И на будущее с ними следует работать очень осторожно, с оглядкой на Цепь. А пока можно порадоваться, и, шумно, с облегчением выдыхая, Иван заявил Ольге и Елене Сестри-два, входящим в спальню:

– Радуйтесь, у нас появилась Шестая!

Стало понятно, что после Ялято и отдыха появится Седьмой, а там и Восьмая себя долго ждать не заставит. Коллектив фантомов постепенно увеличивался.

Сюрприз-застолье

Утро вечера мудренее. Но лишь в том случае, если не приносит неприятности. Хотя началось оно по-деловому, в рабочем режиме и ничто новых осложнений не предвещало. Конечно, хотелось бы проснуться в объятиях с любимой, но увы, как только Ялято было окончено, его вместе с фантомом Елены Сестри пришлось отправлять в помощь остальным фантомам. Наверное, по этой причине спалось спокойно, без позывов к сексу. Четыре часа сна взбодрили тело Ивана, как раньше это удавалось сделать часов за девять, если не за десять. И проснулся Загралов в гордом одиночестве на огромной кровати ещё затемно, первым делом потянувшись к мобильному телефону. С подначкой начал разговор с Евгением:

– Кракен, привет! А ты почему уже не спишь? Или ещё не ложился?

– Грива, чего издеваешься в такую рань? Или случилось что?

– Да как тебе сказать... Я вчера поздно лёг, но проблему твою решил.

– Ура! Сбылась мечта идиота! – возликовал друг, поняв это сообщение как приказ к немедленному выезду. – Уже мчусь к тебе!

– Не так быстро, хотя часа через три и в самом деле подъезжай, я вчера кое-что очень важное забыл. А сейчас надо срочно выяснить, что с твоей Галиной, которая в Греции. Постарайся как-то выйти с ней на связь или отыщи мне людей, которые могут или обязаны это сделать. По крайней мере, родственников её здешних отыщи...

– Не надо меня учить, я уже работаю.

– Отлично! Будут результаты – звони.

Ещё во время разговора проверил состояние Цепи. Она заметно стала толще, но всё равно к прежнему полноценному варианту не вернулась. Что предполагало на сегодняшний день уже полноценное Ялято вместе с Еленой Шулеминой, а то и с самой Еленой Сестри в качестве четвёртого, а точнее говоря, пятого номера.

Затем поинтересовался у фантомов состоянием дел, начав с супруги, которая разрешила себе не спать с мужем всю ночь, а помочь остальным. Её, конечно, на решение проблем жёсткими методами не ставили, но работы хватало в плане простейшего слежения и высматривания. Так что доклад её вполне соответствовал:

«Сижу в бандитском логове, высматриваю, кому они звонят да что с перемещениями средств творят, запоминаю всё, что говорят, самое важное сразу передаю Клещу... И с каждой минутой всё больше приближаюсь к той готовности, когда начну этих гадов рвать собственными руками! Нет! Руками их трогать противно, а вот из пистолета – в самый раз».

«Тогда немедленно забираю тебя домой!» – решил Иван. Но Ольга возразила:

«Да ладно тебе, ещё слишком рано, мама к нам не нагрянет, и я часа полтора выдержу. Тут и в самом деле мы ничего не успеваем».

Что Клещ, что Игнат с Фролом были более категоричны в высказываниях, требовали кого угодно в помощь, а целитель даже ляпнул сгоряча:

– Хоть с погоста мертвецов поднимай, но давай нам подмогу. И как раз для акций уничтожения этих подонков что-нибудь страшное подойдёт лучше всего.

– Нет, Игнат Ипатьевич, способности некроманта – это не ко мне. – После чего обратился к полковнику: – Александр Васильевич, постарайся так свои дела там завершить, чтобы минут через пятнадцать-двадцать в другом месте оказаться. Будешь мне нужен на полчаса, а то и на час.

Судя по тону, оперативник досадовал на вынужденное отвлечение от дел:

– Только через полчаса освобожусь, раньше не получится!

– Ну и ладно, мне тоже есть чем заняться.

Отключив общение, стал создавать фантом Ульяны Семёновны Клещ. С одеждой заморачиваться не стал, потому что о вкусах можно будет и позже выведать. А пока облачил женщину в просторную тунику да на ноги ей сообразил сандалии

попроще. И как только она появилась рядом, заговорил первым:

– Приветствую тебя, возродившаяся в новой ипостаси! – Прозвучало несколько напыщенно и не совсем правильно. Ибо сильно изгаляться с приветственными речами тоже не стоило. – Постарайся пока у меня ничего не спрашивать, расслабься и успокойся. Всё остальное тебе расскажет твой супруг, который вскоре окажется здесь. Для него твоё возвращение – праздник, как и для тебя, следовательно, надо организовать небольшое застолье. Поэтому ещё раз вспомни все блюда, которые он любил и которые ты для него могла бы сейчас приготовить.

Женщина выглядела спокойно, хотя пальцы сильно подрагивали, и она сцепила ладони вместе. Естественно, что не удержалась с вопросами:

– Но меня же нет? Я умерла?

– Но ты же мыслишь? А значит, существуешь!

– А что с моими детьми?

– Всё это тоже расскажет тебе Александр. Ибо я не уполномочен...

– Кто ты такой?

– Всё! – обладатель сделал вид, что рассердился. – Вопросы окончены, приступаем к делу! Какие закуски любит Саша?

Женщина интуитивно угадала, где кухня в квартире, и глянула в ту сторону:

– Из чего я буду готовить?

– Готовить не надо. Просто представь в своих руках поднос, а в нём салатницы с нужным содержимым. Если сложно представить сразу две или три, представь только одну. Сейчас станет темно, и ты словно окажешься в «нигде», потом сразу возвращаешься уже с подносом. Поняла? В любом случае начинаем пробовать.

Растерянная Ульяна пропала, возникнув там. И там же получая приказы:

«У тебя в руках поднос. На нём салаты, которые любит твой муж. Представила? Возвращаемся!»

Она опять оказалась в гостиной, тупо пялясь с отвисшей челюстью на поднос в своих руках и на глубокую прозрачную миску на нём. Причём там и содержимое имелось: уложенный горкой салат оливье. Ещё и ложка воткнута.

Пока дрожащие руки не выронили поднос, Иван подхватил с него миску и поставил на стол со словами:

– Ну вот и первое блюдо готово! Теперь отправляемся за следующим!

Во второй ходке Ульяна представила себе уже три холодных блюда, настолько красиво украшенных, что не в каждом ресторане такое подадут.

– О! Вот это уже красота! – восхитился Загралов, действуя, словно проворный официант. – Переходим к горячим блюдам или ещё что-то забыла?

– Ещё... забыла... – хриплым голосом выдавила супруга полковника.

Пришлось её ещё раз отправлять с подносом в никуда и возвращать после утверждения, что «представила!». Но когда она появилась, уже у Ивана челюсть отвисла: поднос оказался невероятно заставлен вазочками и тарелочками со всякой всячиной настолько разнообразной и аппетитной на вид кулинарии, что обильно потёкшие слюнки вызвали кашель:

– Ну, это уже... перебор, Ульяна Павловна! Честное слово!.. Да тут на пятерых с излишком хватит.

Ему вдруг стало жалко своих напрасно растраченных сил. Хотя для Цепи такой расход и не имел заметного значения, но давно было подсчитано, что производство пищи подобным образом стоит втрое дороже, чем потом получается отдача от съеденного количества калорий. То есть сюрприз для полковника обходился неожиданно дорого. Осталось только самому себя успокаивать:

«Заднюю скорость уже не включишь, решил устроить праздник – значит, устраивай. Хотя на следующий раз – будет наука... Да и сейчас можно попридержать аппетиты умеющей отлично готовить хозяйки...»

Потому продолжил:

– А сейчас последняя ходка, за горячими блюдами. Сразу представь всё, что надо, второй раз не получится. Лимит исчерпан.

Женщина только решительно кивнула.

А когда вернулась... то еле успела поставить тяжеленный поднос на край стола. Потому что там стояло четыре стопки кастрюлек в виде единых термосов. И наверняка их содержимым можно было накормить не пять, а все двадцать пять человек. Причём голодных мужиков-лесорубов.

«М-да! И тут я пролетел! Недооценил женский ум, смекалку и изобретательность. Вот уж Ольга надо мной посмеётся!.. И кто только теперь всё это есть будет?...»

Но вслух ничего не оставалось, как сказать:

– Ладно, пойдём на кухню за тарелками...

Там же вспомнил и о волшебной пылице с корня Тава-Гры, решив не откладывать это дело в долгий ящик. Размешал в стакане с водой и приказал выпить. Женщина с явным недоверием взяла стакан в руки, присмотрелась к мутному содержимому с опаской, но всё-таки расспрашивать, что да для чего, не стала. Тяпнула с такой решимостью, словно от этого зависела жизнь, а ей вручили стакан крепчайшего самогона. И была даже несколько разочарована слабеньким горчащим послевкусием.

По прошествии пары минут спросила:

– А что это было?

– Уникальное средство для придания твоему телу улучшенных свойств и способностей, – солидно ответил обладатель. – Подробности твой муж расскажет.

Пока накрывали, ставили приборы, бокалы, по бутылке вина и коньяка, напряжённо молчали. Хотя сам обладатель оживлённо переговаривался с полковником:

«Ещё не освободился? Ну, сколько можно тебя ждать?»

«Так полчаса не прошло!...»

«Давай, давай, сворачивайся там!»

«Могу и бросить... Думаешь, приятно с таким дерьмом возиться?»

«Не думаю. А вот тебе советую продумать такой вопрос: как быстро и доходчиво объяснить иному человеку, что такое фантомы, как я вас создаю и чем вы занимаетесь».

«И насколько откровенно следует распространяться о наших занятиях?»

«На твоё усмотрение, Александр Васильевич, – разрешил Загралов, внутренне улыбаясь. – В этом я полагаюсь полностью на тебя. Ну что, готов?»

Полковник Клещ ещё минуту с чем-то возился, усиленно сопя, а потом выдохнул: «Забирай!»

И в последний момент пришлось его предупредить: «Ты только держи себя в руках!»

Уже в следующий момент супруги стояли метрах в трёх друг от друга, а сам обладатель громко говорил, поспешно удаляясь в сторону спальни:

– Вас знакомить не надо, поэтому я в другой комнате немножко поработаю с сигвигатором. И не забывайте: продукты даром переводить нельзя, испортиться не должны, на них тройная сила ушла!

Уже закрывая двери спальни, успел рассмотреть картинку: подскочивший к жене Александр начинает обнимать её, окаменевшую, с приоткрытым для плача ртом и с блестящими от слёз глазами.

«Вот и ладушки! Дальше они сами разберутся. Мне же за расшифровку засесть пора. А то пользуюсь уникальным устройством, а до сих пор не уверен, правильно ли пользуюсь...»

Не успел усесться за столик и взять в руки лупу, как позвонил Кракен:

– Отыскал я новости о Галине! – с ходу начал он отчитываться, и явно пребывая в волнении. – Она в беде. Пока неясно, что да к чему, но муж её погиб при странных обстоятельствах, а её саму начавшееся следствие засадило в тюрьму. Родственники об этом узнали только недавно, и только позавчера в Грецию отправился двоюродный брат Галины. Попытается всё выяснить, и если удастся – вытащить сестру из тюрьмы. Телефон этого брата у меня уже есть, но ещё слишком рано для звонка, греки не привыкли так рано вставать.

– Вон оно как... Ладно, будем разбираться, что к чему. А ты давай срочно ко мне. Вернее, сильно не спеши, рассчитай, чтобы через час появиться.

– Понял, буду!

Начав работу по вычитке мельчайшего текста с экрана сигвигатора и внесения его на свой компьютер, задумался о судьбе давней подруги Кравитца.

«Неужели человек, сидящий в неволе, настолько ущемлён, раздавлен и унижен, что с него даже нельзя создать фантом? Ну неволя, ну мрак темницы, но всё равно ведь человек верит, мечтает, думает, в конце концов. Я сам был в шоке, когда меня держали под следствием, но это не означает, что окончательно растерял человеческий облик и потерял тягу к жизни. Или эта Галина настолько ранима духовно, что её росток теперь выглядит придавленным жуткой серой глыбой? Хм! Я могу ошибаться, могу многого не понимать, но что-то здесь не так... Ведь одно дело, если бы этой женщины уже не было среди живых, а другое... Точно! Ведь этого мы и не знаем! Родные совершенно не в курсе, что там произошло и как. А на самом деле любительницу правды и принципиальную журналистку могли попросту убить. Никто ведь не станет возражать, что

уголовников и в солнечной Греции с избытком. Если она погибла, то оживить её росток аурного фона будет тяжело... если вообще стоит пробовать».

Постепенно втягивался в работу, краем уха прислушиваясь к событиям в гостиной и не пользуясь внутренней связью. Там было на удивление тихо, изредка доносился более эмоциональный говор. Но до крика и рыданий пока не доходило. Грустный, конечно, получится у супругов Клещ праздник, будут горевать по детям, но в любом случае жизнь возьмёт своё, да и работой обладатель завалит их с головой. А там видно будет, мало ли ещё какие возможности сигвигатора постепенно раскроются.

Выписал текст на страничку и решил сразу сделать расшифровку. Убил на это десять минут, вчитался и скривился. Потому что в нескольких больших абзацах мусолилось, пусть и разными словами, одно и то же:

«Следует почитать и принимать к исполнению все советы и рекомендации, которые дают начинающим обладателям более старшие по рангу коллеги. Потому что некоторые инструкции раскрываются только для них, и только они с высоты своего опыта имеют право решать, чего и насколько достойны их младшие коллеги...»

Прочитанное вызвало досаду и раздражение. Продолжив считывать новый текст, Иван разнервничался:

«С меня Безголового хватило! А если тут ещё и другие, ему подобные, монстры обитают, то придётся мне опять в Сибирь сбегать. И то – быстро! Только чтобы пятки сверкали! Поражаюсь, как это мы с одним-то «коллегой» справились?.. Или не справились?.. Труп ведь моего предшественника так и не нашли, а все морги и крематории обежать с таким количеством команды, как у меня, невозможно. Знал бы хоть, кто он официально и где его в Москве искать?..»

Далее расшифровал только полстранички, потому что взгляд выхватил уже знакомые значки, читаемые без шифра:

«...смотри таблицу номер шестьдесят два».

Понятно, что захотелось глянуть, о чём речь. И с некоторым удивлением вычитал:

«...в некоторых случаях и при определённой конфронтации между обладателями возможны некорректные отношения между ними. А то и неприкрыто враждебные. Чтобы в таком случае повысить безопасность каждого, вокруг создаются буферные зоны, внутри которых защищающийся имеет все преимущества. Враждебный ему фантом не может появиться слишком близко, не может доставить взрывчатку на себе, и обладатель-враг не имеет права появиться на дистанции разговора без предварительного разрешения. Для контактов, переговоров и предостережений о негативных воздействиях следует пользоваться сигвигатором. Но дистанция для таких переговоров ограничена сорока километрами. Описания действий при этом – в таблице шестьдесят один. А значения буферных зон для чувствительности обладателя и его фантомов – смотри таблицу номер шестьдесят два».

Вчитавшись в несколько сложную канцелярию, Загралов расстроился:

«Вот так всегда! Оказывается, я давно имел под руками все подсказки и определения о местонахождении Безголового и его фантомов и не знал, как этим воспользоваться! Получается, что даром бегал в Сибирь! – но тут же спохватился и сам себя поправил: – Да нет, не даром... Теперь у меня силы есть, и фантомы, и все они таюрти, и многое чего другого... Ну и где эта чёртова таблица?!..»

Вот тогда неприятности и начались.

Глава 8

Прощупывание

Вначале внутри появилось то самое щемящее, уже знакомое чувство, которое остро запомнилось на даче семейства Фаншель. Как раз за несколько минут до того, как дачу стали обстреливать из автоматов и гранатомёта. Только тогда он не понял, в чём дело, пока свои фантомы не сообщили об атаке фантомов Безголового. Но тогда он был голым, расслабленным и ничего толком не понял. Потом паника началась и пришлось быстро прыгать всему семейству в подпол. И счастье, что все находящиеся в команде духи оказались таюрти, то есть

умеющими убивать людей прямо оттуда, из небытия.

Естественно, что тогда глянуть на свою получившуюся Цепь обладатель не догадался. Зато посмотрел сейчас и поразился до глубины души открывшейся картиной: оба Кольца развернулись таким полукругом в сторону и тревожно мигали пурпурными сполохами. В сторону их направленности тянулось восемь световых линий, похожих на лохматые, загоревшиеся огнём бечёвки.

«Это совсем тупым надо быть, чтобы не догадаться: резервуар моей силы предупреждает об опасности! – сообразил Иван, бросаясь к окну. – Хотя жаль, конечно, что я не успел вычитать все нужные подробности подобных предупреждений, рассмотреть таблицу... Опять приходится действовать больше по наитию, чем знанием своих возможностей...»

Данные окна элитного дома выходили на сравнительно тихую улицу с несколькими скверами. Пробки здесь если наблюдались, то крайне редко, и уж тем более в такую рань интенсивное движение ещё не началось. Поэтому сразу бросилась в глаза многоместная «Тойота», которая медленно приближалась к повороту в проулок. Как раз по этому проулку следовало проехать сотню метров, а потом уже по параллельной улочке метров через пятьсот выехать прямо к центральному подъезду данного жилого здания.

Полыхающие бечёвки от Цепи тянулись именно в этот автомобиль. Не успел он ещё свернуть, как Алексей Васильевич с тревогой отозвался по внутренней связи с обладателем:

– Иван, что-то не в порядке...

– Быстро к окну! Видишь вишнёвую «Тойоту»?

– Да! – полковник успел заметить машину до того, как та скрылась между домами.

– Перебрасываю к ней. Кажется, там восемь наших неприятелей... – скорее по наитию решил Иван, ибо машину за домами он не видел и как протолкнуть полковника вдоль самих горящих линий не осознавал толком. Для тех же линий никакие препятствия словно бы и не существовали.

«Попробую по ним! – решил он. – Не получится, так не получится... Тогда дух догонит чужаков на перекрёстке...»

– Кидай вместе со мной и Ульяну! – потребовал Клещ. – Она в порядке. Ручаюсь.

– Ладно... Учти, она ещё только дух, без способностей таюрти. Пыльца Тава-Гры в ней до конца не усвоилась! – Последние наставления Загралов давал фантомам, когда те довольно ловко и быстро закрепились непосредственно на конечной точке всего жгута бечёвок. И первое сообщение пошло довольным голосом:

– Отлично! Мы прямо в машине оказались! Как ты так умудрился?..

То есть отправлять непосредственно по горящим нитям «своих» оказалось невероятно удобно и практично. А вот следующее сообщение больше чем напрягло:

– Да тут целое отделение спецназа! Все в брониках и с автоматами! Но почему же у меня все внутренности выворачивает?.. Тошнит от одного только их вида! Как возле тех, которые дачу штурмовали. О!.. Задёргались. Головами закрутили во все стороны... Видимо, нас гады почувствовали... Точно! Автоматы сняли с предохранителей... готовы чудики стрелять, как только нас увидят...

Загралов чуть не запрыгал от досады.

«Опять фантомы?! И опять по мою душу?! Неужели Безголовый выжил? Оклемався и вновь принялся за старое?..» – тогда как доклад полковника продолжался:

– Все – как на иголках! Нервничают... Резко свернули в предпоследний проулок... Чего-то ждут... Фурнитуры связи нет, значит, такая же, как у нас с тобой... Все автоматы наставлены на двери и на окна, явно изготовились к встрече... Ха! А морды-то не те! Совершенно не те, что у дачи...

– Ты уверен? Присмотрись лучше...

– Вань! Не забывай, что я оперативник, а тем мужикам и бабам ломал позвоночник по паре раз каждому. И к последней пятёрке хорошо присмотрелся. Эти – совсем другие!

– Едритун-дроботун! – обладатель не удержался от свойственного ему набора слов вместо ругательств. – Ну и другому козлу с сигвигатором мы чем не угодили?!

– Э-э, дружище! Мы тут с нашей «зачисткой» могли кому угодно все мозоли оттоптать, – бормотал Клещ. – Это ты у нас справедливый и честный, а другой мог свой мафиозный картель создать и всю Россию под себя подмять. Меня другое беспокоит: почему эти фантомы сразу к нам в квартиру не запрыгнули? Или в ту же дачу? Так ведь проще всего...

– А фигушки им! Ограничения существуют для таких наездов, при которых защищающийся имеет все преимущества, – пояснил Иван и тут же добавил: – Пока у тебя с Ульяной был праздничный обед, я тут успел очередную страничку расшифровать...

– А раньше не мог?

– Не трави душу!.. Как там твоя супруга?

– Осваивается помаленьку... Хотя никак не может воспринять окружающее всерьёз, считает это каким-то специальным кино...

– А вокруг авто? Людей много?

– Никого. Тут же тупик.

– О! Тогда подшути ты как-нибудь над ними, – решился Загралов. – Устрой им и в самом деле кино или цирк со спектаклем. Может, испугаются и больше не полезут?

– Цирк?.. – с задумчивостью протянул полковник. – Да можно и устроить...

Если так разбираться, то автомобиль с чужими фантомами стоял недалеко. Не будь ряда домов перед элитным зданием, то, высунувшись из окна, можно было бы увидеть невооружённым глазом место парковки. Но дома мешали, закрытое окно и двойные стеклопакеты не пропускали шум снаружи. Поэтому обладатель ничего не услышал, а потом всю информацию получил из доклада сумевшего «пошутить» Клеща:

– Ох и грохот получился! Мы с Улей чуть не оглохли! – вещал он довольно. – Мне только и стоило что нажать на спусковой крючок автомата того типа, что сидел впереди. Оружие он удержал, но сам на него смотрел, как на гремучую змею: палец убран, а стрельба ведётся. Лобовое стекло вдребезги, и даже остатки вырвало. Но что мне понравилось очень: все остальные шестеро только пять секунд головами крутили, словно ничего сообразить не могли, а потом резко поставили свои автоматы на предохранители. Ещё через пять секунд – прижали эти предохранители ладонью.

– То есть? – самому выводы было сделать сложно.

– То есть они настоящая десантура или спецназ. Вернее, фантомы созданы с истинных вояк, ничему не удивляются и соображают моментально. Хотя скорей всего команды какие-то к ним поступали.

– А где они сейчас?

– Чухнули так, словно им во все места перца насыпали! Так с выбитым окном и умчались. На месте стрельбы никто не пострадал. Хотя несколько соседей уже выскочили в тупик и названивают в полицию.

– А почему ты с «Тойотой» не поехал? – пытал Иван. Хотя сам знал приблизительно, что получит в ответ:

– Не решился по многим причинам. Они нас чувствовали. А значит, и их обладатель вблизи себя почувствует наши души. И неизвестно, какие у него против меня отыщутся контрприёмы. На этом фоне причину, что тебя могут атаковать повторно и мы нужны тут все, можно и не рассматривать.

В последнем утверждении не приходилось сомневаться. Наблюдающий за сигнальными нитями обладатель заметил, как они «провели» врагов куда-то на

северо-запад, истончились и враз как-то исчезли, словно их и не было. Правда, по скромным подсчётам получалось, что машина к тому времени могла умчаться на расстояние больше километра. Визуально тут не определишь, могло и в самом деле показаться.

Но мысль по этой теме засела:

– В следующий раз обязательно «прицепись» к подобным агрессорам. Хочу проверить расстояние своих сигнальных нитей.

– Понял. Только тут... – несколько замялся полковник, но немедленно признался:
– Я все наши разговоры передавал нашим, так что все в курсе. Ну и Ольга твоя волнуется...

– Спасибо! Я её сейчас уже домой забираю... И тебя с женой, продолжим застолье.

– Нет, нет! Отправляй нас работать, – потребовал Клещ. – Некогда чаи распивать, да и общаться мы здесь можем постоянно, никому не мешая.

Конечно, он был прав. Но появилась идея устроить семейству Клещ в ближайшее время этакий выходной. Или хотя бы часов пять личного времени предоставить. Раз фантомы обладают полным сознанием, то пусть не только за столом почувствуют себя как живые люди.

Появившаяся Ольга мягко укорила супруга:

– Вань, ну что же ты меня сразу к себе не забрал?

– Милая, не было никакой опасности, а значит...

Но она его уже не слушала, уставившись с изумлением на стол с почти нетронутыми блюдами:

– Ничего себе пир! Это столько Ульяна нанесла? – Получив грустный кивок, сразу чисто по-женски поинтересовалась: – Ну и как Шестая?

– Вроде всё восприняла нормально, остальное я сбросил на полковника. И мне кажется, лучшей помощницы ему не сыскать...

Раздался звонок с поста охраны, и когда хозяйка ответила, вежливый мужской голос проинформировал:

– Ольга Карловна! К вам господин Кравитц прибыл. Говорит, его пригласили.

– Да, да, пропустите. Мы просто забыли предупредить.

Через пару минут Кракен уже стоял на пороге, целовал ручку актрисы и восторгался:

– Как я рад вновь тебя видеть, госпожа Фаншель! И дико извиняюсь, что без цветов. Обещаю в следующий раз сразу два букета! Если, конечно, сейчас не ослепну и не потеряю разум!.. Да и вообще лицезреть такую красоту ежедневно, это надо иметь счастье и крепкие глаза с плохим зрением, как у моего школьного товарища! – Пройдя в гостиную, ещё громче воскликнул: – Ох, ничего себе вы завтракаете!

– Привыкай! Придётся иногда и больше съедать, – подтолкнув его к стулу, Загралов подставил заготовленный стакан с пыльцой Тава-Гры: – Пей!

– А что это? – брезгливо поморщился Евгений.

– Вчера забыл тебе дать перед снятием матрицы естества. Из-за этого придётся повторять процедуру. – Дождавшись, пока средство было выпито до дна, кивнул жене: – Вы приступайте к трапезе, пока оно всё свежее, а я минут на пять к ноуту. Надо перевести пяток строк, которые не успел...

В спальне, у ноутбука, он ничего больше выписывать не стал, а просто быстро расшифровал то, что уже было на экране. Получилось следующее:

«...при определённых настройках фантома он чувствует посторонний аналог на расстоянии километра вокруг своего создателя. Тогда как сам обладатель лучше различает неприятеля уже непосредственно из центра этого круга с радиусом в километр. Применение дальнобойного оружия между обладателями блокируется

непосредственно сигвигаторами, а при злостном нарушении и попытке обойти блокировку сигвигатор изымается правовым концерном ЖФА/ЛОТ14...»

Не удалось удержаться от очередного зашифрованного ругательства:

– Дроботун в квадрате! Что это за концерн ещё нарисовался?! Вот смеху будет, если таких обладателей, как я, миллиарды! – А так как постоянно транслировал свои действия жене, то та уже стояла за спиной и пыталась рассуждать вслух:

– Раз создали эти штуки, то должен быть кто-то, кто их ремонтирует, меняет стёклышки и при нужде забирает у плохих мальчиков. Пошли лучше кушать, там такая вкуснятина!

Аппетит и в самом деле разгорелся давно, так что пришлось усаживаться за стол, рассуждая чисто по инерции:

– Концерн, да ещё и правовой?.. И что там спрятано под аббревиатурой?.. В любом случае такого точно не может быть. Я почему-то уверен, что несколько... ну пусть даже десятков сигвигаторов попало на Землю чисто случайно... Или во время какой-нибудь космической катастрофы... А может, космический корабль в нашей системе потерпел аварию... В общем, вряд ли этот ЖФМ/ЛОТ14 на нашу Землю заглядывал и знает о её существовании.

Затем бормотание закончилось, рот оказался слишком занят и в самом деле изысканными блюдами. Было настолько вкусно, что даже дельная мысль появилась, которой тут же поделился с женой:

«Что, если мы будем иногда званые ужины для твоих родителей устраивать? И такими вот деликатесами угощать? Пустим, так сказать, пыль в глаза и покажем, что и у нас случаются вкусняшки. А?»

Видно было по лицу Ольги, что она и сама хотела бы порадовать близких людей таким угощением, но после раздумья ответила отказом:

«Нет. Мама сразу двумя вопросами выяснит, что готовили не мы, а отец в пять минут узнает, что нам ничего не доставляли. Представить Ульяну приходящей кухаркой или нашей подругой тоже не получится. Её ведь не существует в

реале, а дядя Боря сейчас любого, кто у нас появляется, проверяет по всем базам данных».

«М-да... – Ивану оставалось констатировать. – Ты только чуть поработала под руководством Клеца, а уже рассуждаешь, словно опытный следователь...»

«А то! – гордо улыбнулась Фаншель. – Тем более что память моя улучшилась однозначно. Как раз она необходима при проведении правильного анализа событий. Чем больше мелочей помнишь, тем правильнее выводы получаются...»

Она ещё что-то наговаривала, лишний раз доказывая, что такой способ общения невероятно удобен. Можно и во время еды общаться, и во время плавания в бассейне, и во время прыжка с парашютом.

Она перечисляла, мысленно посмеиваясь, а Иван радовался тому, что у него имеется второй поток сознания, весьма удобный для личного пользования. Главное не увлечься им, а то может случиться раздвоение личности.

«Или утроение? Я ведь ещё и реплики Кракена улавливаю... и даже отвечаю впапад... Хорошо это или плохо? Мужья со стажем радуются, когда их жена что-то кушает, и даже прощают им потом излишнюю полноту. Потому что утверждают: «Лишь бы во время еды молчала!» Увы, мне трапезничать в полном молчании не грозит... Хорошо это или плохо? Пока любые слова Ольги мне нравятся, и от её голоса я пьянею... А вот долго ли такое продлится, рано рассуждать, пусть стаж накопится... Возвращаясь к сегодняшнему приезду чужих фантомов: что они собирались сделать? Сидеть в засаде на меня? Или попытаться атаковать непосредственно само здание? По логике, в такой униформе российского спецназа они куда угодно могут прорваться. Правда, тут и дом особый, и охрана на высоте. Без особого распоряжения с пульта никого внутрь не допустит. А спецназ должен это знать и так просто не ринется... Правда, могли остановиться по той причине, что ощутили рядом моего фантома. Скорей всего так и было... Поняли, что придётся давать бой, потом самопроизвольное срабатывание автомата... Может, поняли, что над ними издеваются, вот и спрыгнули...»

Евгений тем временем с придыханием откинулся на спинку стула и осоловело закатил глаза:

– Вот это жизнь! Никакой диеты, никакого режима! И чё ты раньше обладателем не стал? Ух, мы бы с тобой зажгли! – но, покосившись на актрису, чуть поправился: – Давно навели бы порядок в Москве.

– Ты меньше болтай, а больше ешь! – строго заявил Иван, наливая по полному стакану коньяка. – Ещё столько же должен умять! А это – для аппетита. Ну, вздрогнули! За наше здоровье! – выпил. Крякнул. Потянулся за лимончиком. Да так и уставился с обидой на друга: – Не понял!..

Мол, я тут личным примером показываю, как надо делать, а он в сомнениях мнётся, словно наивная гимназистка. Пришлось Кравитцу выпить всё до дна. Уже заедая лимоном, не выдержал и пожаловался:

– И всё-таки, батенька, Иван свет Фёдорович, это уже моветон... Хлестать коньяк стаканами?.. Когда ещё и восьми утра нет?..

– Вот только не надо тут перед моей прелестной супругой из себя интеллигента в десятом поколении корчить, – хихикал враз расслабившийся и порозовевший Загралов. – А то я тебе напому, как ты и в семь утра, и в восемь, и в девять выпивал не только один стакан... – но был прерван воплем Евгения:

– Так нечестно! Мы тогда вообще ночью не ложились!

– Но факт есть факт, и ты позорно уличён в ханжестве! Или станешь спорить? Тогда будешь наказан тем, что не встанешь из-за стола, пока...

Да так и замер на полуслове. Вернулось слишком знакомое, неприятное ощущение. Накатило то самое щемящее чувство, а внутренности словно пронзило неприятной тревожной вибрацией. Сомнений не было: приближался кто-то из чужих фантомов.

Глава 9

Наставники?

Конечно, первым делом глянул на резервуар собственной силы. Кольца опять всеми красками и формой изображали тревогу, показывали направление, откуда опасность приближается. Но в ту сторону вела всего одна-единственная горящая ниточка.

– Опять гости! – пояснил Иван своё поведение, бросаясь к окну. – Но вроде как в единственном числе.

К тому времени Москва уже давно проснулась и видимая внизу улица оказалась заполнена авто под завязку. Можно сказать, почти пробка. Но именно медлительность транспортных средств позволила быстро высчитать нужный автомобиль, в котором ехал неизвестный фантом. Этаким массивный «БМВ» тёмно-синего цвета.

А с другой стороны – большая Москва. Мало ли кто куда едет? Ведь раньше обладатель порой ощущал подобные вибрации, да не обращал на них внимания. А раньше у него попросту не было Колец! Следовательно, и должной реакции могло не быть, пусть даже его окружать станут. Вспомнить хотя бы тот случай с облавой в поезде, когда более сорока фантомов Безголового проверяли всех пассажиров подряд.

Но когда авто перестроилось в правый ряд и приготовилось въезжать в знакомый проулок, сомнения рассеялись. Гости! Или, вернее, гость. Но скорее всего и не гость, а одиночный воин. Скопом оказалось пробиться сложней, значит, задание лучше выполнит диверсант-одиночка. Логично? Более чем.

Пока шли подобные рассуждения по внутренней связи, Ольга потребовала:

«Отправь меня в машину!»

«Но здесь же Кракен», – пришлось напомнить о товарище, который ещё не прошёл наивысшую ступень посвящения во все тайны. Особенно в плане самой Фаншель.

«Я уйду в спальню!» – заявила любимая, а вслух сказала:

– Мальчики, я – переодеваться! Мне не мешать! – и упорхнула в спальню.

Понимая, что с ней ничего не случится, пришлось отправлять супругу по нити точно так же, как до того получилось с перемещением семейства Клещ. Правда, догадался строго предупредить:

«Не замолкаешь ни на секунду! Говоришь всё, что видишь и что думаешь!»

«Есть! Разрешите приступить? Ага!.. Попала!.. Шикарная машина... Милый, я тебя люблю! Ах да, это я не по делу, но ты сам приказал обо всём, что думаю... Тут не он, а ОНА! А за рулём простой водитель... О! Меня почувствовала... Не удержалась, оглядывается кругом... Теперь постоянно косится на заднее сиденье... Но держится молодцом, стойкая деваха...»

«Как выглядит?» – решил уточнить Иван, имея в виду одежду и спрятанное под ней оружие. После чего получил толику ехидства в тоне:

«Не в твоём вкусе, морда лошадиная. Или как раз в твоём?»

«Меня интересует, чем она собирается меня атаковать?» – удалось свой тон удержать мягким и сугубо деловым, и это помогло Ольге собраться:

«Извини... Вообще-то эта лошадь выглядит как топ-модель или как элитная проститутка. Платье настолько короткое и облегающее, что даже перочинный ножик спрятать негде... Разве что каблуками убьёт запросто и кого угодно: сантиметров по пятнадцать... Ну и чего уж там душой кривить, красота – это тоже страшное оружие... В руках пакет, точнее говоря – письмо в очень красивом и дорогом конверте... Однако! Нервничает! На висках испарина появилась, и сердце колотится, под сто ударов... Приказала остановиться в двадцати метрах от входа... Ждёт...»

Загралов чуть расслабился, отходя от окна, уставился на стоящего рядом Евгения:

– Ты чего не ешь?!

– Вань, да я серьёзно больше не могу, – попытался отвертеться тот.

– Надо! Ты понимаешь такое слово «надо»?! Так вот садись и насыщайся. Через силу. Через не могу! Мне нужен сильный и выносливый фантом, который на собственной энергии просто обязан выдавать двойные результаты.

Нахмуренный друг уселся к столу, навалил себе оливье в тарелку и пробормотал перед тем, как начать есть:

– Не слишком ли рано я обрадовался? Может, мой фантом будет отдаваться на прокорм тиграм?..

Но дальше ел много и дисциплинированно.

А эпопея с приехавшей фантомой тем временем продолжалась. Похоже, она получила некое указание по внутренней связи со своим патроном и вышла из машины. Привлекая внимание чуть ли не каждого мужчины на улице, продефилировала к подъезду, а там и в холл вошла. Причём так вошла, словно она тут давно живёт и уверенно движется в свою квартиру. Может, её и в самом деле не посмели бы остановить охранники с выпученными глазами, но она сама к ним подошла:

– Мне нужно увидеть господина Загралова Ивана Фёдоровича и передать ему лично важное письмо.

– Вам назначено время? – вспомнил о своих обязанностях дежурный.

– Нет. Но обстоятельства чрезвычайно важные и неотложные. Поэтому прошу пропустить или дать мне с ним поговорить.

– Увы, сударыня, пропустить мы вас не можем, – встрял другой охранник в разговор. – Но зато сейчас свяжемся с Иваном Фёдоровичем и всё уточним.

Сравнительно недавно они уже пропустили раннего гостя к молодому семейству, так что странного в подобном визите? Кроме разницы во внешности, естественно.

Связались по домофону с Иваном, и тот отвечал по подсказкам супруги:

– Как её зовут?.. Не знаю такой... Важное письмо? Ну пусть оставит у вас... Лично в руки? Ну что ж, пусть забирает с собой, я ни от кого подобных писем не жду.

Тогда девица решилась на другое:

– Передайте адресату, что письмо от господ полусотников. А к господину Загралову у меня ещё некие сведения устного характера.

И на это адресат не повёлся:

– Ничем не могу помочь. Или так, или эдак. И прошу меня больше не беспокоить.

После подобного заявления пусть бы девица хоть на коленях ползала и ноги охранникам со всем остальным целовала – все равно жильца больше беспокоить не станут. Это, наверное, и красотка осознала. Точнее, не осознала, а на полминуты впала в протрацию, явно выслушивая то ли рекомендации, то ли ругань своего обладателя.

Потом ожила, мило улыбнулась и, протягивая конверт, промурлыкала:

– Передайте лично в руки, пожалуйста! И на словах кое-что: «Вопрос весьма срочный и касается той работы, которую Иван Фёдорович проводит в данное время!»

Развернулась и пошла в том же соблазнительном стиле обратно.

«Мне ехать с ней до самого конца?» – тут же спросила Ольга.

Конечно, хотелось бы выяснить, кто девицу послал, где он обитает и кто эти таинственные полусотники. Потому что сразу прошли ассоциации с обладателями-пятидесятниками, как они обозначались в инструкции сигвигатора. Но если это и в самом деле они, то уж тем более уловят приближение к себе постороннего фантома. Пусть тот даже будет в виде духа. А вдруг у них есть средства нападения даже против подобной ипостаси чужака?

Поэтому настолько рисковать Ольгой её супруг не решился:

«Нет, до конца не надо. А прокатишься до тех пор, пока моя сигнальная нить не исчезнет. Хочу определить дистанцию, на которой начинаю засекаать приближение противника».

«Поняла... Еду с ними... Эта девка точно косоглазой станет: так по сторонам и косится! Всё пытается определить, где я и сколько нас...»

Не приходилось удивляться желанию неизвестной красотки побыстрее избавиться от неприятного ощущения. Ведь она вдалеке от своего обладателя, защитит тот её не сможет. Появится на заднем сиденье мужик да и свернёт голову. А фантом хоть и неуничтожим по существу, всё равно физическую боль смерти помнит, и в этом мало приятного. А развеять сразу?.. Так мало ли какая слежка ведётся за машиной обычными людьми! Никакой создатель фантомов не станет открыто светиться перед широкой (а уж тем более узкой, силовой и правовой) общественностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/yuriy-ivanovich/obladatel-dvadcatnik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)